

ЛУЧШИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ТРИЛЛЕРЫ

СТЕФАНИ
ПЕРКИНС

В ТВОЕМ
ДОМЕ
КТО-ТО
ЕСТЬ

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ

ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES

КОШМАР БЛИЖЕ, ЧЕМ ТЫ ДУМАЕШЬ...

18+

Лучшие молодежные триллеры

Стефани Перкинс

В твоём доме кто-то есть

«АСТ»

2017

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe) 44

Перкинс С.

В твоём доме кто-то есть / С. Перкинс — «АСТ»,
2017 — (Лучшие молодежные триллеры)

ISBN 978-5-17-111690-3

Макани Янг думала, что переезд с изумрудно-бирюзовых Гавайев в маленький городок Осборн, затерянный посреди серо-желтых кукурузных полей Небраски, навсегда похоронит неприглядные тайны ее прошлого. Девушка начинает жизнь с чистого листа: заводит друзей и даже влюбляется в странного одноклассника Оливера Ларссона, жизнь которого — череда загадочных слухов и пересудов. Но когда одного за другим с особой жестокостью убивают учеников старшей школы Осборна, одноклассников Макани, девушке начинает казаться, что призраки прошлого решили напомнить о себе. А может, слухи об Олли вовсе не слухи?..

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe) 44

ISBN 978-5-17-111690-3

© Перкинс С., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвертая	24
Глава пятая	30
Глава шестая	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Стефани Перкинс

В твоём доме кто-то есть

*Посвящается Дэсэрроду,
лучшему другу и настоящей любви*

*Люди проходят через такую боль лишь однажды; боль приходит
снова, но оседает уже на твердую почву.
Уилла Кэсер «Песня Жаворонка».*

Глава первая

Когда она вернулась домой, таймер в форме яйца стоял на коврике перед дверью.

Хэйли Уайтхолл бросила взгляд через плечо, словно ожидая увидеть кого-то за своей спиной. Вдали красный комбайн катился по желтоватому кукурузному полю. Это отец. Время урожая. Ее мать – зубной техник единственной стоматологии в городе – тоже была еще на работе. Кто из них оставил тут таймер? Гниющие доски крыльца прогнулись и заскрипели, когда Хэйли нагнулась, чтобы поднять его. Таймер прозвенел в руке. День стоял холодный, но пластиковое яйцо было чуть теплым.

Вдруг зазвонил телефон. Конечно же, Брук.

– Как кровь? – спросила Хэйли.

Ее лучшая подруга застонала:

– Кошмар.

Хэйли зашла внутрь, с грохотом закрыв дверь с сеткой от насекомых.

– Есть шансы, что миз¹ Колфакс откажется от этого? – Она отправилась напрямик на кухню, по пути сбросив рюкзак на пол из черно-белых плиток. *Еда*. Сегодняшняя дневная репетиция оказалась особенно напряженной.

– Никаких, – фыркнула Брук. – Она никогда не откажется. Кому нужен здравый рассудок, когда есть амбиции?

Хэйли поставила таймер обратно на кухонный стол, на его законное место, и открыла холодильник.

– Я, конечно, за амбиции. Но! Мне правда не хочется утонуть в кукурузном сиропе.

– Если бы у меня были деньги, я бы сама наняла работников. Чувствую, уборка в зале станет настоящим адом, даже несмотря на пластиковые покрытия и брезент.

В большей части постановок «Суинни Тодда»² использовалось хоть немного ненастоящей крови: бритвы со спрятанными пузырьками, на которые нужно нажать, гелевые капсулы во рту, дополнительный слой одежды, чтобы спрятать заранее испачканную кровью рубашку. А еще кровопролитие можно было изобразить с помощью алых занавесок, красного освещения или безумного крещендо визжащих скрипок.

К сожалению, у режиссера их школьного мюзикла, миз Колфакс, была неистощимая тяга к драме во всех ее проявлениях. Прошлогодняя постановка «Питера Пена», для которой она арендовала настоящие устройства для полетов на сцене аж в Нью-Йорке, закончилась переломами как для Венди, так и для Майкла Дарлинга. В этом году миз Колфакс хотела, чтобы демон-парикмахер не просто резал глотки своим клиентам, а залил их кровью первые три ряда – она называла эту часть зала «поясом брызг».

Брук назначили помощником режиссера. Это была высокая честь, конечно же, но вместе с тем на нее свалилась невыполнимая задача попытаться направить миз Колфакс на путь здравомыслия. И удавалось это плохо.

Хэйли, прижимая телефон к уху плечом, достала упаковки с нарезкой индейки и сыром проволононе, пакет уже помытого латука и баночку соуса Miracle Whip.

– Шайна, должно быть, вне себя.

– Шайна точно вне себя, – повторила Брук.

¹ Обращение к женщине в англоязычных странах. Может быть применено как к замужней, так и незамужней женщине, если ее статус не определен.

² «Суинни Тодд, демон-парикмахер с Флит-стрит» – мюзикл, в основе которого лежат городские легенды о серийном убийце Суинни Тодде.

Шайна была темпераментным и зачастую неуравновешенным дизайнером костюмов. В сельской Небраске и так достаточно сложно найти достойные костюмы, а теперь ей еще предстояло отстирывать их от крови.

– Бедная Шайна, – Хэйли положила продукты на стол и потянулась за пшеничным хлебом с травами, который ее мама испекла прошлым вечером. Для мамы это был способ расслабиться.

– Бедная я, – сказала Брук.

– Бедная ты, – согласилась Хэйли.

– И как сегодня Джонатан? Получше?

Хэйли помедлила:

– Ты разве не знаешь?

– Я тестировала брызги на парковке.

Хэйли играла миссис Ловетт – главную женскую роль, а бойфренд Шайны Джонатан играл Суинни – главную мужскую. Хэйли получала ведущие роли в драматическом кружке и сольные партии в хоре последние два года. И как актриса, и как обладательница мощного контральто, она была лучше своих сверстников. Природный дар, который сложно не заметить.

Джонатан же был... выше среднего. И обладал харизмой, помогавшей ему на сцене. Однако этот мюзикл оказался выше его способностей. Ему неделями не удавалось справиться с *Eriphany*, самой сложной сольной песней. Джонатан передвигался по сцене с плавностью чело- века, постоянно наступающего на грабли в сарае, но и это не шло ни в какое сравнение с тем, что он просто уничтожал дуэты.

Брук, кажется, почувствовала, что Хэйли не хочет сплетничать.

– Да ладно тебе. Если не расскажешь, ты лишь заставишь меня чувствовать вину за болтовню обо всех остальных.

– Дело в том, что... – Хэйли намазала соус на хлеб и бросила грязный нож в раковину – потом помоем.

– Мы потратили целую репетицию на *A little priest*. И даже не на всю сцену! Повторяли несколько строк снова, и снова, и снова. Два чертовых часа.

– Ох.

– Помнишь ту часть, где мы одновременно поем разные строчки? Наши голоса должны словно наткаться друг на друга в возбуждении.

– Когда Суинни наконец понял, что миссис Ловетт хочет избавляться от жертв, выпекая из их плоти пирожки? – в голосе Брук послышалась зловещая ухмылка.

– Это была катастрофа. – Хэйли отнесла тарелку в гостиную и стала ходить по комнате. – Не думаю, что у Джонатана получится. То есть я серьезно считаю, что его мозг *не справится*. Он не может петь вместе с кем-то, он может хорошо звучать...

– Вроде как.

– Вроде как, – согласилась Хэйли. – Но если кто-то поет параллельно, он все время останавливается и начинает заново. Словно пытается справиться с аневризмой.

Брук засмеялась.

– Вот почему я ушла пораньше. Чувствую себя такой стервой, но я больше не могла это терпеть.

– Никто никогда не назвал бы тебя стервой.

Хэйли откусила огромный кусок индейки. Сохранить равновесие – удерживать телефон, держать тарелку, есть сэндвич и ходить по комнате – было непросто, но от волнения она этого не замечала.

– Джонатан бы назвал.

– Не стоило отдавать Джонатану эту роль.

– Думаешь, надо позвонить ему и извиниться?

– Нет. *Нет*. За что?

– За резкость.

– Ты не виновата, что он не может справиться с Сондхаймом.

Брук права, но Хэйли все еще было стыдно из-за своей вспышки гнева. Из-за того, что ушла с репетиции. Она плюхнулась на древний вельветовый диван, одну из множества домашних реликвий, доставшихся от бабушки и дедушки, и вздохнула. Брук сказала что-то еще в знак солидарности, но именно в этот момент телефон Хэйли поступил как обычно – решил отрубиться.

– Что ты сказала? Связь прерывается.

– Так позвони мне с домашнего.

Хэйли глянула на беспроводной телефон, стоящий на краю стола всего в метре от нее.

– Да уже все нормально, – солгала она, не желая тянуться за трубкой.

Брук вновь заговорила о своих сложностях как помощника режиссера, и Хэйли, услышав лишь треть гневной тирады подруги, позволила себе отвлечься.

Она посмотрела в окно и доела сэндвич. Солнце висело низко над горизонтом, освещая кукурузное поле, из-за чего хрупкие стебли казались мягкими и понурыми. Отец все еще там. *Где-то там*. В это время года нельзя упустить ни один луч света. Мир казался заброшенным – полная противоположность громкой, яркой группе ребят-энтузиастов, которую она оставила в школе. Ей не нравилось тихое изматывающее одиночество, наполнившее дом. Хэйли стояла и сочувственно поддакивала в трубку, хотя и не знала, чему именно. Она вернула тарелку на кухню, смыла крошки и открыла посудомойку. Внутри – только грязный нож. Хэйли взглянула на пустую раковину и нахмурилась, отчего между бровями пролегла морщинка. Она поставила тарелку в посудомойку и покачала головой.

– Даже если мы сможем настроить распылитель, – говорила Брук (связь внезапно стала лучше), – я не уверена, что люди вообще захотят сидеть в первых рядах. То есть кто пойдет в театр, чтобы надеть дождевик и быть залитым кровью?

Хэйли почувствовала, что подруге нужно было услышать слова поддержки:

– Это же Хэллоуин. Люди купят билеты. Решат, что это весело. – Она сделала шаг к лестнице, ведущей к спальне, но споткнулась о маленький твердый предмет. Он прокатился по плиткам пола со звоном и треском и врезался в дверь кладовки.

Таймер в виде яйца.

Сердце Хэйли на мгновение замерло. Кожу начало неприятно покалывать, пока она двигалась к двери кладовки, которую кто-то из родителей оставил открытой. Хэйли закрыла ее, толкнув пальцами, и медленно подняла таймер, словно тяжелую гирю. Она могла бы поклясться, что оставила его на столе, но, должно быть, уронила на пол вместе с рюкзаком.

– ...все еще слушаешь?

Голос Брук едва достигал ее ушей.

– Прости.

– Я спросила, слушаешь ли ты все еще меня?

– Прости, – повторила Хэйли и уставилась на таймер. – Видно, я устала сильнее, чем думала. Наверное, пойду посплю, пока мама не вернется домой.

Подруги попрощались, и Хэйли засунула телефон в передний карман джинсов. Затем поставила таймер обратно на кухонный стол. Таймер был гладким и белым и выглядел вполне безобидно. Но Хэйли не могла понять, *почему* именно от этой чертовой штуковины ей было не по себе.

Она поднялась наверх и, сбросив с ног кеды, сразу же устало упала на кровать. Хэйли была слишком измотана, чтобы развязывать шнурки. Телефон уперся ей в бедро. Она вытащила его из кармана и положила на прикроватный столик. Лучи закатного солнца проникали

через окно под идеальным, раздражающим углом, отчего Хэйли поморщилась и перевернулась на другой бок.

И сразу же заснула.

* * *

Хэйли резко проснулась. Сердце стучало, в доме царила темнота.

Она выдохнула – долгий, напряженный выдох. В этот момент мозг уловил звук. Звук, который разбудил ее.

Тиканье.

Кровь застыла в жилах Хэйли. Она повернулась лицом к столику. Телефон пропал, а на его месте, прямо на уровне глаз, стоял таймер-яйцо.

И он зазвонил.

Глава вторая

На следующее утро вся школа гудела о двух новостях: жестоком убийстве Хэйли Уайтхолл и выкрашенных в розовый цвет волосах Олли Ларссон.

– Неужели сейчас время обсуждать чьи-то волосы? – удивилась Макани.

– Это же Осборн, Небраска. – Ее друг Дэрби выпил последние капли холодного кофе с заправки. – Население – две тысячи шестьсот человек. Мальчик с розовыми волосами вызовет такой же переполох, как и смерть любимой ученицы.

Они смотрели через лобовое стекло машины Дэрби на другую сторону парковки, где стоял Олли, прислонившись к кирпичной стене администрации. Он читал книжку в мягкой обложке и намеренно игнорировал шепот и разговоры других учеников.

– Слышала, что ей перерезали горло в трех местах, – Макани замолчала. Окна машины были открыты, так что она понизила голос. – Надрезы сделали так, что лицо стало похоже на смайлик.

Соломинка выпала изо рта Дэрби.

– Это ужасно. Кто тебе это сказал?

Она смущенно пожала плечами.

– Просто слышала.

– О боже. А ведь день еще даже не начался.

В пассажирском окошке вдруг появилось вытянутое лицо с подведенными черным глазами:

– Ну а я слышала...

Макани подпрыгнула:

– Бог мой, Алекс.

– ...что это сделал Олли. И ее кровью выкрасил свои волосы.

Макани и Дэрби уставились на нее с разинутыми ртами.

– Шучу, естественно. – Она открыла заднюю дверь, забросила чехол с трубой и залезла внутрь. Машина была их местом для утренних встреч. – Но некоторые так говорят.

В шутке слишком много правды. Макани передернуло.

Алекс ударила по спинке сиденья Макани армейским ботинком ярко-синего цвета.

– Не могу поверить. Ты все еще равнодушна к нему, да?

К сожалению, да.

Конечно же, она не равнодушна к Олли.

С тех пор как Макани Янг приехала в Небраску, она не могла отвести от него глаз. Он, несомненно, был самым странно выглядящим парнем в «Осборн Хай». Но также и самым интересным. Олли был сексуально худощавым и с острыми скулами, которые напоминали Макани череп, – иллюзия, усиленная светлыми, почти невидимыми бровями. Он всегда носил темные джинсы и черные футболки. Серебряное кольцо – тонкий ободок в центре нижней губы – его единственное украшение. Всем своим видом он напоминал скелет. Макани склонила голову. Может быть, теперь меньше, когда его светлые волосы выкрашены в шокирующий ярко-розовый цвет.

– Помню, когда-то он нравился и тебе, – подколот Дэрби Алекс.

– Да, еще в восьмом классе. Пока не поняла, что он настоящий одиночка: не заинтересован в том, чтобы встречаться с кем-то из школы.

Осознав свои слова и, как ни странно, смутившись, Алекс скривилась:

– Прости, Макани.

Макани и Олли встречались прошлым летом. Вроде как. К счастью, только люди, сидящие в машине Дэрби, знали об этом.

– Все нормально, – вздохнула Макани, потому что легче было сказать это, чем признаться в обратном.

Об Олли ходило множество слухов: что он спал только с женщинами постарше, что он спал только с мужчинами постарше, что он продавал опиоидные препараты, украденные из полицейского участка брата, что однажды чуть не утонул в реке на мелководье. Что, когда его спасли, он оказался пьян в хлам и совершенно голый.

А их школа маленькая. Слухи ходили обо всех.

Макани была не так глупа, чтобы верить слухам, потому что даже самые правдивые из них никогда не рассказывали историю целиком. Именно по этой причине она избегала большую часть одноклассников – ради самосохранения. Увидев в Макани родственную душу, Дэрби и Алекс приняли ее в свой круг, когда ей пришлось переехать с Гавайев посреди одиннадцатого класса. Родители сражались друг с другом в ужасном бракоразводном процессе и отправили ее пожить с бабушкой «нормальной жизнью».

Нормальной жизнью. С бабушкой. Посреди ничего.

По крайней мере, такую историю Макани рассказывала друзьям. Как и в слухах, в ней было зернышко правды. Но только одно. Родители никогда не уделяли ей много внимания, даже в лучшие времена, а когда случился тот инцидент на пляже, они только недавно расстались. После этого они больше не могли на нее смотреть. Да и она сама не могла себя выносить. Она заслужила изгнание.

На дворе стояла середина октября, и Макани провела в Осборне уже почти год. Сейчас она училась в выпускном классе, как и Дэрби с Алекс. Их общим интересом стал отсчет дней до окончания школы. Макани пока не знала, куда поедет дальше, но уж точно не собиралась оставаться здесь.

– Может, вернемся к главной теме? – спросил Дэрби. – Хэйли мертва. И никто не знает, кто ее убил, и это меня ужасно пугает.

– Я думала, тебе не нравится Хэйли, – сказала Алекс, завязывая свои крашенные черные волосы в сложную прическу, требующую множества крупных пластиковых заколок. В школе она больше всех походила на гота, если не считать Олли. Макани его и не считала.

Они оба были худыми и носили черную одежду, но Алекс вела себя сурово и агрессивно и требовала внимания к своей персоне, в то время как Олли был мягким и тихим, как ночное небо.

– Мне не нравилась Хэйли, – Дэрби засунул большие пальцы под подтяжки, которые носил вместе с клетчатой рубашкой и штанами. Он был невысоким, но крепким, а одевался как старый франт.

Дэрби родился девочкой, и, хотя его звали Джастин Дэрби, в девятом классе он начал позиционировать себя как мальчик. Если их школа осуждала парня с розовыми волосами, то Макани могла лишь представить, как долго они привыкали к «девочке», которая в действительности считала себя мальчиком. Сейчас окружающие оставили Дэрби в покое, хотя все еще награждали косыми взглядами и отворачивались, проходя мимо.

– Я не знал ее, – продолжал Дэрби. – Но она казалась милой.

Алекс вставила в волосы заколку с изображением злобной Hello Kitty.

– Разве это не странно, что как только кто-то умирает, все становятся его лучшими друзьями?

Дэрби сморщился.

– Я этого не говорил.

Макани, как обычно, дала им время попрекаться, а потом спросила:

– Думаете, это сделал кто-то из ее родителей? Я слышала, что в таких случаях убийцей в конечном итоге оказывается член семьи.

– Или парень, – уточнил Дэрби. – Она с кем-то встречалась?

Макани и Алекс пожали плечами.

Все трое замолчали и уставились на проходящих мимо одноклассников.

– Это кошмар, – наконец сказал Дэрби. – Просто ужасно.

Макани и Алекс кивнули. Так и есть.

– Какой человек способен на такое? – спросил он.

Тошнотворная волна стыда прокатилась по телу Макани. Это не то же самое, напомнила она себе. Я не такая. Но когда прозвенел звонок, она выскочила из тесного хэтчбека, словно в этом была экстренная необходимость. Дэрби и Алекс заворчали, вылезая из машины, слишком занятые своими мрачными мыслями, чтобы заметить ее странное поведение. Макани выдохнула и поправила одежду, чтобы убедиться, что выглядит прилично. В отличие от друзей, она могла похвастаться женственными формами.

– Может, это серийный убийца, – сказала Алекс, направляясь на первый урок. – Даль-нобойщик, проезжающий через город! В наши дни водители грузовиков всегда оказываются серийными убийцами.

Макани с облегчением почувствовала, как к ней возвращается скептицизм:

– Кто это сказал?

– ФБР.

– Мой отец – водитель грузовика, – выпалил Дэрби.

Алекс ухмыльнулась.

– Перестань улыбаться, – прорычал он. – Или люди подумают, что это сделала ты.

* * *

К обеду дурацкая шутка Алекс о том, что послужило источником цвета волос Олли, распространилась по всей школе. Макани слышала, как несколько учеников шептались о его возможной вине, и разозлилась. Олли был, конечно же, аномалией. Но это не делало его убийцей. Более того, она никогда не видела, чтобы он разговаривал или даже смотрел на Хэйли Уайтхолл. Макани хорошо его изучила.

Она расстроилась, хоть и понимала, что слухи – всего лишь выдумка, созданная, чтобы отвлечь всех от страха неизвестного. Макани также подслушала компанию отличников, сплетничавших о Закари Лупе, школьном наркомане. Она не считала его виновным, но, по крайней мере, пусть лучше он будет подозреваемым. Закари – настоящий придурок, который даже с друзьями ведет себя откровенно.

Большинство учеников, однако, пришли к единому мнению, кого считать настоящими подозреваемыми: семью Хэйли или бойфренда. Никто толком не знал, но, возможно, она тайно с кем-то встречалась. У девушек часто бывают секреты.

Пока Дэрби и Алекс раздумывали над произошедшим, она отодвинула бумажный пакет с чипсами и осмотрелась.

Почти все триста сорок два ученика находились здесь, в центре кампуса, окруженного строениями из коричневого кирпича. Площадка была простой, тоскливой. По двору разбросано несколько чахлах деревьев, никаких столов или скамеек, так что ученики сидели на бетонном полу. Если периметр оплести колючей проволокой, то будет похоже на тюремный двор. Пересохший фонтан, полный опавшей листвы, – никто не помнил, чтобы хоть когда-нибудь струя воды вырывалась из открытой пасти льва, – стоял посередине двора как мавзолей.

В это время года погода непредсказуема. Некоторые дни выдавались теплыми, но в основном все-таки стоял холод. Сегодня было почти тепло, так что все ученики перешли во двор, а столовая пустовала. Макани, дрожа, застегнула толстовку. В ее школе в Каилуа-Кона всегда было тепло, пахло цветами, кофе и фруктами, а сам воздух на вкус был соленый, как Тихий океан, блестящий рядом с парковками и футбольными полями.

Осборн же пах бензином, на вкус напоминал отчаяние, а окружен был океаном кукурузы. Дурацкая кукуруза. Алекс схватила пригоршню картошки, которую Макани не успела доесть.

– А как насчет кого-то из хора? Или драматического кружка?

Дэрби фыркнул:

– Что, типа дублер Хэйли?

– Разве не такого человека сыщик из «Шедевров детективов» сразу же проверит? – спросила Алекс.

– Детектив откуда?

– Шерлок, Морс, Пуаро. Валландер. Теннисон.

– Я знаю только одно из этих имен. – Дэрби макнул кусочек пиццы в соус ранч. – Почему бы тебе не посмотреть нормальные фильмы?

– Я просто считаю, что пока никого не стоит исключать из подозреваемых.

Макани все еще смотрела на фонтан:

– Надеюсь, это не ученик.

– Не ученик, – сказал Дэрби.

– Я вас умоляю, – протянула Алекс. – Злобные подростки все время вытворяют что-то подобное.

– Да, – кивнул он, – но они приходят в школу с арсеналом автоматического оружия, а не проникают с ножами в дома.

Макани закрыла уши кулаками.

– Все, хватит. Прекратите!

Дэрби, смутившись, втянул голову в плечи. Он ничего не сказал, но и не надо было. Стрельба в школе была настоящей. С настоящими убийцами и настоящими жертвами. Смерть Хэйли словно стояла вдали от реальности, потому что казалось, что такое не может произойти с ними. Преступление слишком реальное. На это должна быть причина, пусть даже ужасная и неправильная.

Макани повернулась и, посмотрев на друзей, попыталась увести разговор в другую сторону:

– Ну... Джессика этого не делала.

Алекс вскинула брови:

– Джессика?

– Джессика Бойд. Дублерша. – Макани закатила глаза, заметив ухмылку Алекс. – Я слышала, как кто-то упоминал о ней. Вы правда можете представить, что она способна кого-то убить?

– Ты права, – сказала Алекс. – Это вряд ли. – Джессика Бойд была хрупкой девушкой. Сложно представить, чтобы она даже рыбку смогла смыть в унитаз. – Но вы заметили, что лучшая подруга Хэйли не пришла сегодня в школу?

– Потому что Брук в трауре, – рассердился Дэрби. – Если такое случилось бы с кем-то из вас, я тоже забил бы на все.

Алекс заговорщицки наклонилась вперед:

– Подумай об этом. Хэйли была одной из самых талантливых учениц в школе. Все знали, что она уедет в какое-то место побольше и получше: Бродвей, Голливуд. Типа того. Такой человек точно должен был быть заносчивым, но... не она. Хэйли любили. А это всегда значит, что кому-то она не нравилась.

Макани сморщила нос.

– И ты думаешь, ее убила лучшая подруга?

– Никто даже не знал Хэйли, – сказал Дэрби, – кроме ребят в драматическом кружке или «Вокальном движении».

«Вокальное движение» – так неудачно назывался хор. В «Осборн Хай» существовали три престижные организации: театральный и хоровой кружки, что по составу почти на сто процентов совпадало с футбольной командой. Это Небраска. Конечно же, их школа серьезно относилась к футболу.

– Но именно про это я и говорю, – заметила Алекс. – Никто не знал ее. Разве не логично, что это сделал кто-то из ее друзей? Из зависти?

– Нам начинать волноваться? Ты собираешься нас убить? – шутливо спросила Макани.

– Ой, – охнул Дэрби.

Алекс вздохнула:

– С вами не соскучишься.

– Кажется, я предупредил тебя утром, – сказал Дэрби, – что не стоит быть такой возбужденной.

Поднявшийся ветер встряхнул бумажную афишу на другом конце двора. Реклама «Суинни Тодда». Каждая буква истекала кричаще-яркой, вручную нарисованной кровью, а две длинные полосы темно-красного тюля свисали с углов, словно театральный занавес. Порыв ветра поднял тюль в воздух, заставив его танцевать и извиваться. Макани почувствовала, как по спине пробежал холодок. На гавайском ее имя означало «ветер», но она не считала себя суеверной. Нужно перестать говорить о Хэйли.

– Это бестактно, – сказала она, не в силах сдержаться, и кивнула в сторону баннера. – «Пояс брызг». Думаете, они его отменяют?

Алекс проглотила последний ломтик картошки.

– Лучше бы они этого не делали. Первое школьное мероприятие, на которое я собиралась пойти. По своей воле, – добавила она. Алекс состояла в оркестре марширующих музыкантов, а это означало, что ей приходилось посещать футбольные матчи.

Дэрби уставился на нее.

– Что? Вроде это весело, – сказала Алекс, встретившись с ним взглядом. – Тебя зальет сценической кровью.

Макани фыркнула:

– Опять это слово. Весело.

Дэрби вдруг изобразил ложную тоску.

– Помню, как ты собирала пластиковых лошадей и карточки покемонов, а целью твоей жизни была работа в «Пиксар».

– Говори потише, дурачок, – строго сказала Алекс, стараясь сдержать улыбку.

Ребята снова начали поддразнивать друг друга из-за детских хобби и странностей, и Макани, как часто случалось, почувствовала себя исключенной из разговора. Ее внимание начало таять, а взгляд переместился на площадку. Уже почти время. Еще минута – и...

Вот он.

Сердце Макани замерло, когда Олли появился во дворе, чтобы выбросить пустой пакет из-под ланча. Он делал это каждый день. Всегда обедал в пустующем уголке за старыми шкафчиками, а потом исчезал в главном здании. Остаток часа он проведет в библиотеке. Макани почувствовала знакомую печаль. Олли был так одинок.

Небольшая компания футболистов стояла под афишей «Суинни Тодда», закрывая вход в здание. Мышцы Макани напряглись, когда Мэтт Батлер – золотой мальчик Осборна, знаменитый раннинбек³ – сказал что-то, как только Олли подошел ближе. Что бы это ни было, Олли не отреагировал. Мэтт сказал что-то еще. Олли молчал. Тогда Мэтт схватил большим и указательным пальцами прядь волос Олли. Его друзья смеялись, но сам он пропускал все мимо ушей. Макани с болью наблюдала, как над ним издеваются. Крупный парень со странным име-

³ Раннинбек, или задний бегущий – позиция игрока в американском футболе.

нем, Бадди или Бубба, подпрыгнул и дернул за тюль, так что правая половина афиши оторвалась и упала. Олли едва увернулся от нее, и парень засмеялся еще громче, но его удовольствие было недолгим.

Мэтт гневно указал на порванную афишу:

– Эй, чувак! Прояви уважение.

Эти слова разнеслись по всей площадке. У Бадди, или Буббы, ушло несколько секунд, чтобы установить связь между испорченным плакатом и Хэйли, а затем смущенное выражение его лица сменилось униженным. Перед ним встал выбор: признать свою вину или удвоить усилия. Бадди выбрал второй вариант. Он толкнул Мэтта в плечо и запустил яростную цепную реакцию толчков.

Нарастающая потасовка захватила внимание всех учеников. Только Макани смотрела в другую сторону. Олли по-прежнему не двигался с места. Он никак этого не показывал, но очевидно, что футболисты заставили его нервничать. Она встала.

– Нет, – сказал Дэрби, – Макани. Нет.

Алекс покачала головой, и ее заколки зазвенели друг о друга.

– Олли не заслуживает твоей помощи. Или жалости. Или что ты там испытываешь прямо сейчас.

Макани разгладила толстовку на груди и зашагала прочь.

– Ты никогда нас не слушаешь, – прокричал вслед Дэрби. – Почему?

Алекс вздохнула.

– Удачи, конфетка.

Напряжение, нараставшее внутри Макани месяцами, готово было вырваться наружу. Может, Олли и не заслуживает ее помощи, но она все равно собиралась попробовать. Может быть, это связано с тем, что в предыдущей школе Макани хотелось бы, чтобы ей кто-то помог. Или, возможно, из-за Хэйли, из-за этого страшного происшествия, в котором уже никто не может помочь. Макани бросила взгляд на друзей и пожалала плечами.

Повернувшись вперед, она увидела, что Олли смотрит на нее – без злости или любопытства. Недоверчиво.

Макани храбро направилась к нему. Она всегда выделялась среди сверстников. Их кожа была на несколько оттенков светлее, чем ее, а вдохновленный серфингом гардероб был ярче, чем принято на Среднем Западе. Она не собирала свои естественные кудри в прическу и при движении уверенно покачивала бедрами. Это был обманный маневр, чтобы люди не задавали вопросов.

Олли бросил еще один взгляд на спортсменов, все еще кричащих и рисующихся друг перед другом, убрал в сторону болтающийся тюль и зашел в школу. Макани нахмурилась. Но когда она открыла дверь, он ждал ее с другой стороны.

– О, – вздрогнула Макани.

– Да?

– Я... я просто хотела сказать, что они идиоты.

– Твои друзья? – спросил Олли с каменным лицом.

Макани поняла, что Олли пока держит дверь открытой и видит Дэрби и Алекс через развевающийся прозрачный тюль. Они наблюдали за ними с другой стороны площадки. Макани отпустила дверь, и та с грохотом захлопнулась.

– Нет, – сказала она, пытаясь улыбнуться, – остальные.

– Да, знаю. – Его лицо оставалось бесстрастным, настороженным.

Улыбка сползла с лица Макани. Она скрестила руки на груди, словно защищаясь, пока они изучали друг друга. Их глаза находились почти на одном уровне, Олли был всего на три-пять сантиметров выше нее. Они стояли так близко, что Макани могла рассмотреть новый цвет волос Олли. Даже кожа его головы была ярко-розовой: понадобится время, чтобы краска пол-

ностью смылась. В его виде чувствовалась какая-то уязвимость, и Макани снова смягчилась. Она ненавидела себя за это.

Она ненавидела себя по многим причинам.

Макани злилась, что Олли так сильно зацепил ее, хотя знала о его репутации. Злилась, что заставила себя думать, будто он ей безразличен, хотя знала, что это не так. И из-за того, как закончились их отношения. Внезапно. Молча. Это был их первый разговор с конца лета.

Может быть, если бы мы изначально больше разговаривали...

Они никогда много не говорили. В то время она даже была благодарна Олли за это.

Он не отрывал взгляда своих светлых глаз от нее, словно хотел что-то найти. Кровь в венах запульсировала. Почему-то внезапно возникло чувство, что сейчас жаркий летний день и они идут в супермаркет.

– Почему ты здесь? – спросил он. – Ты не разговаривала со мной весь семестр.

Макани сразу же разозлилась.

– Могу сказать то же самое о тебе. И я сказала, что хотела. О наших одноклассниках. О том, что они идиоты и все такое.

– Ага, – напрягся Олли, – это ты и сказала.

Макани издала смешок, чтобы показать, что он ее не задел, хотя оба знали, что это не так.

– Отлично. Забудь. Я просто пыталась быть другом.

Олли промолчал.

– Всем нужны друзья, Олли.

Он слегка нахмурился.

– Но, очевидно, это невозможно. – Одним резким толчком Макани распахнула дверь. – Отлично поговорили. Увидимся в классе.

И, выскочив, уткнулась прямо в тюлевый занавес. Макани чертыхнулась, пытаясь высвободиться, но лишь больше и больше запутывалась в темно-красной сетке. На площадке поднялся громогласный рев: кричала хаотичная толпа восторженных зрителей.

Наконец-то началась драка.

Макани перестала метаться. Она оказалась в ловушке, почти в тюрьме, в этом несчастном городке, где она ненавидела всё и всех, особенно себя.

Послышался тихий шелест, и Макани с удивлением обнаружила, что Олли все еще стоит за ее спиной. Его пальцы осторожно высвободили ее из тюля. Занавес снова опустился, и теперь они в тишине смотрели на одноклассников, словно через красный туман.

Глава третья

– Ты знала эту девушку, Хэйли? – спросила бабушка Янг, сидя на диване.

Макани помахала на прощание Дэрби, когда тот отъезжал. Он дважды нажал на гудок. Дом бабушки находился в паре минут ходьбы от школы, но он всегда подвозил ее. Макани жила в самом старом квартале Осборна, а Дэрби – в самом новом. Алекс жила возле Троя, на ферме, где выращивали телят. Днем на репетиции Алекс подвозила девушка, играющая на теноровом саксофоне. Все умели водить, но только у Дэрби был постоянный доступ к машине.

А Олли жил за городом. Макани не знала, где точно. Когда драка закончилась, он ушел в библиотеку, а она вернулась к друзьям. Позже, на уроке испанского, она чувствовала на себе его взгляд – и против воли заволновалась, хотя в действительности ничего не поменялось и не поменяется.

С упавшим сердцем Макани заперла входную дверь, окончательно погружаясь в свой мир.

– Да, я знала Хэйли. Но не очень хорошо.

Она стянула кеды и носки и положила их у нижней ступеньки, чтобы отнести потом в спальню. Ботинки – еще одна вещь, которая ей не нравилась на Среднем Западе. Носить шлепки все время, за исключением летних месяцев, было слишком холодно, а в неизбежных кедах или ботинках ноги всегда казались неподъемными. На то, чтобы избавиться от мозолей и не натирать постоянно пятки, ушли века.

Сланицы, исправила она себя. *Не шлепки*.

Местные словечки, в отличие от обуви, оставались главной проблемой. Макани до сих пор вздрагивала, когда слышала, как кто-то заказывает газировку, а не содовую.

Бабушка сидела перед телевизором, где по Netflix крутили «Скандал», и рассоединяла боковые кусочки нового пазла. Макани плюхнулась в любимое раскладное кресло, которое принадлежало еще ее дедушке. Подобрал под себя ноги, чтобы согреться, она взяла крышку от пазла. На картинке были изображены грядка с тыквами, улица с деревенскими домами, толпа переодетых в маскарадные костюмы детишек, выпрашивающих сладости. Бабушке Янг нравилось, когда пазл соответствовал времени года.

– Жду, когда начнутся местные новости, – сказала она.

Макани бросила крышку назад, на кофейный столик, и взглянула на телефон.

– У тебя еще полтора часа.

– Хочу послушать, что Крестон скажет по поводу убийства. – Крестон Ховард был красивым чернокожим ведущим новостей в полпятого, и бабушка Янг верила, что каждое его слово – абсолютная правда. – Все это просто ужасно. Надеюсь, они поймают того, кто это сделал.

– Поймают, – сказала Макани.

– Она была такой молодой, такой талантливой. Прямо как ты.

Последнее не было правдой, но Макани знала, что поправлять бабушку не стоит. Она уже могла представить последующий спор: Макани будет отрицать это, бабушка станет обвинять ее в негативном мышлении, Макани объяснит, что она просто трезво смотрит на вещи, бабушка будет настаивать на своем, и тогда Макани взорвется и скажет что-то вроде:

– Ты не моя мать! Моя собственная мать едва считает себя таковой! Не будем об этом говорить, хорошо?

Вместо этого Макани проверила свой телефон. Она больше не надеялась получить СМС или сообщение в почте от Жасмин, своей бывшей лучшей подруги. Она больше не надеялась, что по какой-то чудесной и невероятной причине все станет как раньше. Эти мечты погибли уже давно. Сложно сказать, когда точно это случилось, но, наверное, это началось, когда Макани подписала официальный документ и поменяла фамилию с Канекалау на Янг.

Она взяла девичью фамилию матери не из-за нависшего развода, а потому что оставаться Макани Канекалау стало небезопасно: такую легко найти в поисковике, а ей нужно было начать новую жизнь в Небраске.

И все же Макани проверила свою почту на телефоне.

Как всегда, из дома никаких новостей. По крайней мере, злобные сообщения тоже уже давно прекратились. Никто не искал ее, а те, кому все еще было до этого дело – до инцидента, как она называла ту ночь на пляже, – люди вроде Жасмин. Единственные, кто имел значение. Макани никогда бы не догадалась, что постоянное молчание друзей окажется намного больше, чем недели, когда тысячи снисходительных, женоненавистнических незнакомцев изливают свою ненависть ей в лицо. На деле оказалось, что так.

Даже не затеяв привычного спора, бабушка Янг осуждающе протянула:

– Утром ты снова оставила кухонные шкафчики открытыми.

Макани уставилась в телефон.

– Я не оставляю их открытыми.

– У меня все в порядке с памятью, милая. Ты уже ушла в школу, когда я встала. Это основы хороших манер – убирать за собой. Я же не прошу многого.

– Я даже не завтракала сегодня утром, – Макани не смогла скрыть нарастающее раздражение. – Ты вызывала врача, как я тебя просила?

– Как ты прекрасно знаешь, у меня не было приступов уже почти год.

Макани подняла глаза, и бабушка Янг сразу же потупила взгляд. Бабушке было тяжело обсуждать свои слабости или позволять кому-то ставить под сомнение ее решение. Это их общая черта. Бабушка Янг соединила два кусочка пазла вместе, показывая тем самым, что разговор окончен. Но Макани продолжала смотреть на нее, желая найти в себе силы и продолжить обсуждение.

Ее бабушка считалась выше большинства женщин своего поколения. У нее были короткие седые волосы: серые, с белыми пятнышками, они выглядели красиво, словно негатив полярной совы. Бабушка Макани по папиной линии, живущая на Гавайях, красила волосы в черный, даже пользовалась той же краской, что и Алекс.

Бабушка Янг не была такой жесткой. У нее были смуглая кожа, мягкие изгибы фигуры и нежный голос, но говорила она с авторитетом командира. Раньше она преподавала американскую историю в старшей школе, но вышла на пенсию лет пять назад, и хотя Макани радовалась, что ей не придется ходить на уроки собственной бабушки, она думала, что та, скорее всего, была хорошей учительницей.

Бабушка и дедушка Янг всегда были добры к ней, в отличие от остальной семьи. Спрашивали. Проявляли внимание. Даже до начала бракоразводного процесса родители Макани вели себя эгоистично. В детстве Макани мечтала о брате или сестре, чтобы они любили ее, переживали за нее. Но потом поняла, как все-таки хорошо, что родители не завели еще одного ребенка. Они бы и его игнорировали.

Но изгнание Макани в Осборн произошло не только из-за ее неопишуемой ошибки. Бабушка Янг сделала кое-что плохое. На прошлый День благодарения сосед увидел, как она во сне подрезала его ореховое дерево в три часа утра. А когда он постарался ее разбудить, бабушка отрезала ему кончик носа. У нее развился лунатизм после неожиданной смерти дедушки прошлым летом. Врачи смогли пришить нос, и сосед не подал в суд, но этот случай встревожил маму Макани, и она убедила отца, что лучшее решение всех их проблем – отправить дочь приглядывать за бабушкой Янг.

Родители Макани не могли прийти к соглашению ни по какому поводу, но единодушно решили отослать ее сюда. Наверное, подумали, что подрезка деревьев – счастливое совпадение.

Макани не считала, что бабушке требуется сиделка. С ее приезда не случилось ни одного опасного приступа. Только в последнюю пару месяцев, с возвращением этих незначительных

бытовых эпизодов: открытые ящики, не возвращённые на место инструменты, незакрытые двери – Макани начала понимать, что она действительно нужна бабушке.

Как правило, приятно чувствовать, что ты нужен.

Но однажды это вышло боком.

* * *

Она была нужна в июле. Жара тем днём стояла просто удушающая, а невыносимая влажность принуждала к майкам, коротким шортам и плохим решениям.

Макани уже выполнила все три пункта.

Это была первая годовщина смерти бабушки Янг, и бабушка хотела провести день в одиночестве. А поскольку это была среда, день двойных купонов, Макани сама предложила сходить за еженедельными покупками. «Грилиз Фудс» находился меньше чем в двух милях от дома, на Главной улице. Это простое здание, в виде коробки, напоминало старшую школу, но особое очарование ему придавали низкие потолки и узкие проходы.

Макани не могла понять, почему их не расширяли. Место-то хватало. В отличие от Гавайев, сельская Небраска не испытывала нехватки в земле. У неё не было ничего, кроме земли. Это совершенно другая страна.

Она зашла в магазин, держа написанный от руки список покупок и конверт из переработанной бумаги с купонами. Они заметили друг друга сразу же. Он в зелёном фартуке «Грилиз» раскладывал сливовидные помидоры. Только Олли Ларссон мог выглядеть сексуально в фартуке.

Макани хотела что-то сказать. По тому, как он смотрел на неё, она понимала, что и он не прочь поболтать. Но оба не вымолвили ни слова.

Она взяла тележку на колёсиках и стала наполнять её здоровой едой. Дедушка умер от сердечного приступа, так что бабушка в последнее время увлеклась правильным питанием. Пока Макани искала на полках упаковки с овсом грубого помола и пакеты с сухими бобами, кожу покалывало от осознания того, что Олли передвигается по магазину. Вот он перешёл от помидоров к фруктовым напиткам. Вот переместился в проход номер пять, чтобы убрать разбитую банку, а затем снова вернулся к стеллажам с продуктами.

Они никогда не разговаривали в школе, хоть и посещали вместе несколько уроков, но Олли держался особняком. Макани даже не была уверена, знал ли он о её существовании до этого дня. Она надеялась, что он сможет сесть за одну из трёх касс магазина, но, когда она к ним подошла, он исчез в подсобке.

Она была разочарована и ничего не могла с собой поделать. Макани выкладывала пакеты с едой в золотистый «форд таурус» начала девяностых, когда услышала смех – короткий и издевательский. Она гневно захлопнула багажник, уже зная, что он адресован ей.

Олли смотрел на неё из переулка возле магазина. Он сидел на пластиковом ящике из-под молока и выглядел так, словно вышел на перекур, только вот вместо сигареты держал в руке книгу.

– Думаешь, машина моей бабушки смешная? – спросила она.

Ехидная улыбка появилась на его губах. Он так и сидел несколько долгих секунд, прежде чем заговорить.

– Не понимаю, зачем мне смеяться над твоей машиной, когда вот та – моя. – Он показал на белое авто на другом краю парковки.

Это оказалось списанное полицейское авто. Герб полиции соскребли, на крыше не было мигалки, но Макани вспомнила, что видела её в школе. Все знали, что Олли ездит на полицейской машине – скорее всего, подарке от старшего брата, копа, – и из-за этого одноклассники

беспощадно издевались над ним. Макани подозревала, что уже сам факт, что он ездит на такой тачке, доказывал, что ему все равно.

– Так почему ты надо мной смеёшься? – спросила она.

Олли потер шею сзади.

– Не над тобой. Над собой.

Макани не знала, летний ли зной тому виной или кульминация семи месяцев беспробудной скуки, но она вдруг почувствовала что-то и медленно подошла к нему. Ее голые ноги светились на солнце.

– И почему же ты смеялся над собой, Олли?

Он смотрел, как она подходит, потому что понимал, что Макани сама этого хочет. Когда она остановилась перед ним, он поднял голову и прикрыл рукой глаза от солнца.

– Потому что я хотел раньше с тобой поговорить, но слишком нервничал, Макани.

Так он знал, кто она такая.

Она улыбнулась.

Олли встал с ящика, и серебряное кольцо в его губе блеснуло на солнце. Она гадала, каково это – прикоснуться к нему губами. Прошло уже много времени с тех пор, как она кого-то целовала. С тех пор, как кто-то хотел поцеловать ее. Возьми себя в руки. Макани сделала шаг назад, потому что общаться, когда они стояли так близко друг к другу, едва не касаясь, было невозможно. К тому же Олли ее заинтриговал.

Она кивнула на его книжку в мягкой обложке.

– Никогда не видела тебя без книги.

Олли поднял ее, чтобы Макани могла увидеть обложку: группа людей, висающая на дверях и окнах движущегося поезда.

– Она об американце, который отправился из Лондона в Юго-Восточную Азию на поезде, – пояснил он.

– Правдивая история?

Он кивнул.

– Ты читаешь много правдивых историй?

– Я много читаю о путешествиях. Мне нравится читать о других местах.

– Понятно. – На губах Макани снова заиграла улыбка. – Мне нравится думать о других местах.

На мгновение отвлекшись, он уставился на ее губы.

– О любом месте, кроме этого, – наконец сказал он. Но было ясно, что он имел в виду Осборн, а не это конкретное место возле «Грилиз Фудс» – место, где была она.

– Именно.

Олли облокотился о кирпичную стену и растворился в тени. Она не могла точно сказать, пытался ли он вернуть свое спокойное равнодушие или просто смущался.

– Ты же с Гавайев, да? Вернешься туда после выпуска?

Сердце Макани затрепетало. Она искала ответ в его глазах – обжигающе голубых, – но вряд ли он знал. СМИ на Гавайях скрыли ее личность, хотя это не остановило соцсети и не отменило необходимость изменить имя.

– Не уверена, – осторожно сказала Макани. – А как насчет тебя? Куда ты хочешь поехать?

Олли пожал плечами.

– Неважно. В любое место, лишь бы подальше отсюда.

– Что мешает тебе уехать? – Теперь ей действительно было интересно. Многие их одноклассники не дотянули до выпуска.

– Мой брат. И деньги. – Он показал на свой фартук. – Я тружусь здесь с четырнадцати лет. Когда тебе разрешают начать работать с продуктами.

Она никогда не слышала, чтобы кто-то ее возраста продержался на работе так долго.

– Боже. Это три года? Четыре?

– Я бы раньше начал, если бы мне разрешили.

Макани бросила взгляд за его спину, на пустынную Главную улицу. «Грилииз Фудс» стоял напротив жалкого ряда разнородных заведений: солярия, бюро недвижимости, магазина обоев и свадебного салона, в витрине которого также были платья для выпускного бала. Она никогда не заходила ни в одно из них.

– Хотела бы я работать.

– Нет, – сказал он. – Не хотела бы.

Его уверенность раздражала ее. Она хотела попасть в Feed'n'Seed, где работали Дэрби и Алекс, но ей бесповоротно отказали.

– Хотела бы. Но родители считают, что моя работа – присматривать за бабушкой.

Олли нахмурился.

– Ей нужна помощь? Мне она всегда казалась в порядке.

Макани удивилась, но потом поняла, что он, должно быть, видел ее здесь, в магазине. Бабушка Янг была весьма заметна: мало чернокожих людей жило в Осборне. Она, возможно, даже учила его брата.

– Она в порядке, – сказала Макани, снова рассказывая полуправду. – Мои родители просто используют ее как предлог.

– Зачем?

– Для того чтобы отправить меня подальше, за четыре тысячи миль от себя. Родители – это самое худшее, понимаешь? – Она сразу же пожалела о своих словах. Неправильно говорить такое тому, у кого вообще нет родителей. Она поморщилась. – Прости.

Олли буравил взглядом асфальт несколько секунд. Когда он поднял глаза, выражение лица у него было отстраненным, но Макани все еще видела его внутреннюю борьбу. Нетрудно представить, как ужасно жить в городе, где все, даже новая девочка, знают, что пьяный водитель стал причиной смерти твоих родителей, когда ты учился в средней школе, и что твой брат переехал из Омахи, чтобы воспитывать тебя.

Он пожал плечами:

– Все нормально.

– Нет, мне действительно жаль. Зря я это ляпнула.

– А мне жаль, что твои родители так ужасно себя ведут.

Макани не была уверена, как реагировать на его слова – шутка ли это, – так что, когда губы Олли расплзлись в улыбке, ее сердце едва не выпрыгнуло из груди. Она не хотела испортить момент.

– Ладно, ладно. Мне пора домой. – Макани подошла к машине и покачала головой. Открывая дверцу, она крикнула: – Увидимся на следующей неделе, Олли.

Тот прикусил губу:

– Увидимся на будущей неделе, Макани.

Думать больше было не о чем, так что последовавшие шесть дней Макани провела исключительно в мыслях об Олли. Она думала о его губах, своих губах и о том, как они прижмутся друг к другу. И не только губами. Ее потряхивало как от лихорадки. У нее не было парня с переезда в Небраску. Теперь Макани умоляла бабушку поручить ей ходить в супермаркет, напирая на такие слова, как «ответственность» и «зрелость», рассуждала о «знаниях» и об «опыте». И в конце концов победила.

Когда Макани заехала на парковку, Олли сидел все на том же ящике из-под молока. Он читал книгу и ел красный фруктовый лед. Макани направилась прямо к нему. Он встал. Его лицо ничего не выражало, но нутром она чувствовала правду: Олли ее ждал.

Она вступила в его личное пространство.

Олли прикусил нижнюю губу над серебряным кольцом.

Когда он молча предложил Макани мороженое, она вместо этого нацелилась на его губы, потому что уже давно, шесть дней назад, решила, что действовать напрямую – лучший способ подойти к парню с такой репутацией. Их первый поцелуй был влажным. Холодный язык и сладкие фрукты. Вишня, подумала Макани. Его пирсинг был теплым от летнего солнца. Колечко из хирургической стали упиралось в губы и добавляло опасности. Мороженое с тихим шлепком упало на асфальт.

Они целовались в переулке каждую среду в течение следующих трех недель. На четвертую неделю пошел дождь. И они переместились на заднее сиденье машины ее бабушки. Этот дополнительный уровень приватности привел их к следующей естественной стадии.

– Руки, – позже объясняла Макани друзьям, – не губы.

– Могла бы ты превратить это во что-то еще более отвратительное? – поморщился Дэрби.

– Но есть важное отличие, – сказала Алекс. – Они доставили друг другу удовольствие, но одежду не снимали. А ваши головы были над уровнем моря.

Макани скорчила рожицу.

– Да ладно вам. Я даже не знаю, зачем это рассказала.

На пятую среду, последнюю перед началом учебного года, небо было чистое, и Олли сел к ней в машину. Они поехали в уединенное место – на кукурузное поле. И, конечно же, занялись сексом.

– Вы, ребята, собираетесь встречаться? Ну, знаешь, по-настоящему? – спросил ее Дэрби в тот вечер. – Или все так просто и закончится?

Это закончилось через неделю. Перед тем как прозвенел звонок в первый школьный день, их взгляды встретились на площадке. По лицу Олли невозможно было что-то понять, лишь напускная, холодная непроницаемость. Правда ударила по Макани как хлыст. Нет, они никогда не обсуждали, начать ли им встречаться. У нее даже не было его номера телефона. Это лето стало тайной, отношениями без свиданий, что означало только одно: кто-то из них или оба стыдились этого.

Макани не стыдилась. Она была смущена, да. Но не стыдилась.

Значит, все дело в Олли.

Макани прищурилась. Олли – тоже. Выяснил ли он правду? Узнал ли каким-то образом про ту ночь на пляже? Теперь он будет вести себя, как будто они незнакомы. Стыд накрыл Макани с головой.

А еще унижение. И ярость. Она отказалась вообще смотреть на него и никогда больше не возвращалась в «Грилиз». Она умоляла бабушку снова взять на себя походы за продуктами, заявляя, что школа отнимает слишком много времени, хоть было не так. Макани осудили и поставили на место, но ей все равно было ужасно скучно.

* * *

Безнадежно проверяя и перепроверя свой телефон (на экране отображались только две палочки приема сигнала), Макани гадала, из-за скуки ли она подошла к Олли во время обеда. Неужели она действительно опустилась до такого?

Наверное. Блин.

– Вот черт, – сказала бабушка Янг. Помехи перекрыли экран телевизора, и Оливия Поуп замолчала на середине предложения.

– Я же только на прошлой неделе звонила кабельному оператору, но они сказали, что у нас и так уже высокоскоростной пакет каналов.

Макани представила бунгало на пляже на Гавайях, где интернет отключался лишь в самые мощные тропические штормы. Телефон там всегда легко ловил связь. Почему в

Осборне, расположенном на материке, с этим такие проблемы? Почему все здесь так чертовски сложно?

Они выключили Netflix, и Макани, подхватив ботинки, пошла наверх, делать домашнюю работу. Когда в пять она спустилась, Крестон Ховард не рассказывал ничего нового, поэтому бабушка успокоилась, а Макани хотелось врезать ему в челюсть. Ничего удивительного. Они обе уже видели эти кадры онлайн: обклеенный сигнальной лентой дом Уайтхоллов; отец Хэйли, заходящий с опущенной головой в полицейский участок на допрос; сама Хэйли, летающая по сцене в прошлогодней постановке «Питера Пена».

– Сегодня вечером Осборн скорбит по Хэйли Мэдисон Уайтхолл, – сказал Крестон и мрачно кивнул. – Это печальный день для всего печального города.

Бабушка Янг кивнула, а Макани сморщила нос от отвращения. Ни бабушка, ни Крестон, кажется, не понимали, что он оскорбил целый город. Но, по крайней мере, не ошибся. «Печальный» – идеальное слово для Осборна.

А потом Макани снова стало плохо: Хэйли умерла, и это действительно было печально.

Глава четвертая

Голова Макани кружилась от нетерпения, пока она помогала бабушке готовить ужин. Это была одна из ее ежедневных обязанностей. Когда Макани переехала к бабушке Янг, та прикрепила на холодильник магнитом список ежедневных и еженедельных заданий, на котором было написано: «Ты меня не напугаешь. Я преподаю в старшей школе». Она заявила, что Макани нужно придерживаться строгого расписания, и была права. Даже Макани это признавала, но все равно выглядело это отстойно. Иногда рядом с бабушкой она чувствовала себя маленькой девочкой, а порой – сиделкой. Хотя Макани не хотела быть ни той, ни другой.

Сегодня вечером они приготовили здоровый ужин: запеченные фрикадельки из индейки и простой салат без заправки. Такая еда вгоняла в депрессию. Макани хотелось чего-то вкусненького и жирного. Папайю с лаймом. Ребрышки кальби. Пои⁴ с ломи-ломи⁵. Она с легкостью потратила бы каждый цент на вкусный обед: паровой рис, мак-салат и закуска. Курица кацу. Говядина терияки. Свинина калуа⁶. У Макани потекли слюнки, а душа заныла.

Иногда ужин становился самым трудным испытанием.

Только они сели за стол, как запищал ее телефон. Бабушка Янг закатила глаза и протяжно вздохнула. Макани вытащила телефон из кармана, чтобы отключить звук. На экране появилось сообщение с незнакомого номера:

Могу сказать то же самое и о тебе.

Ее грудная клетка словно превратилась в хрупкие осколки льда.

Появилось второе сообщение:

Что ты хотела этим сказать?

– Сколько раз мне повторять? Никаких телефонов за столом.

Макани подняла голову.

– Прости, – сказала она на автомате.

Но бабушка заметила, как изменилось выражение ее лица.

– Кто это был?

– Мама, – солгала Макани.

Бабушка Янг обдумывала ее слова. Она бы никогда не поддержала разговор во время ужина с папой Макани, которого особенно никогда не любила, но она все еще надеялась, что ее дочь помирится с внучкой.

– Тебе нужно позвонить ей сейчас или это может подождать?

– Я сейчас вернусь, прости. – Макани отошла от обеденного стола на кухню, где бабушка бы ее не увидела, и перечитала сообщения. Сердце словно замерло между страхом и надеждой. Она не могла представить, чтобы это был он, но больше некому. Или нет?

Кто спрашивает?

Ответ пришел незамедлительно.

Оли.

Сердце бешено заколотилось. Макани уставилась на экран, ожидая, скажет ли он что-то еще. Наконец она написала.

⁴ Традиционное гавайское блюдо, приготовленное из клубнелуковиц растения таро.

⁵ Популярный гавайский салат из мелко нарезанной соленой семги с помидорами и луком.

⁶ Национальное гавайское блюдо. Молодого поросенка натирают солью и опускают в специальную яму, где он запекается на горячих углях в собственном соку.

Не помню, чтобы давала тебе свой номер.

Еще один быстрый ответ.

Скажи мне, что ты имела в виду.

Очевидно, Олли был из того типа раздражающих людей, которые пишут сообщения полными предложениями и игнорируют вопросы.

Что, ты ДУМАЕШЬ, я имела в виду???

Я думаю, ты чувствуешь себя уязвленной, а это значит, было недопонимание.

Уязвленной. Серьезно, ни один нормальный человек так не разговаривает. Но он завладел ее вниманием. Макани послала в ответ один лишь вопросительный знак. Она смотрела, как появлялись и исчезали на телефоне три точки, пока Олли печатал, делал паузу, а потом снова начинал печатать.

Наконец ответ пришел.

Я думал, ты меня стыдилась. А сама думала, что я стыжусь тебя.

Брови Макани поползли вверх. Редко встретишь такую прямооту, достойную восхищения. В ее голове появился вечный вопрос: «Знает ли он, что я натворила?». Было невозможно понять без лишних расспросов, но внутри возникло неприятное подозрение. Может, он и знал. А может, она ошибалась. Возможно, из них двоих именно Макани сделала неправильные выводы.

Она ответила.

Почему ты так подумал?

Ну, мы никогда по-настоящему не разговаривали, не так ли?

Не думала, что ты разговорчивый.

Я тоже не думал так про тебя.

Макани помедлила. Бабушка закашлялась – слишком громко – в соседней комнате. Макани написала:

Так ты хочешь поговорить?

Я хочу поговорить, если ты этого хочешь.

Ей бы стоило почувствовать раздражение, но это было не так. Совсем нет.

– Макани, – предупредила ее бабушка.

– Я сейчас вернусь. Уже почти все.

– Ты даже не разговариваешь!

– Мы переписываемся.

– Это не разговор. Тебе нужно *поговорить* с мамой.

Макани ухмыльнулась и отправила:

Сообщения – не разговор.

Вдруг телефон в ее руках зазвонил, и Макани подпрыгнула от неожиданности:

– Черт!

– МАКАНИ ЯНГ!

Макани вздрогнула, отвечая на звонок:

– Сейчас нелучшее время. Я перезвоню тебе позже, хорошо? – она нажала отбой, прежде чем Олли успел ответить, и прокралась обратно на свое место за столом.

Бабушка Янг следила за каждым ее движением.

– Это была не твоя мать.

Макани, как ребенок, засунула тефтелю в рот целиком.

– Дай мне свой телефон.

Макани испуганно замерла.

– Зачем? – пробормотала она с полным ртом.

– Ты меня слышала. Хочу увидеть, кому ты писала.

– Ладно, это Алекс. – Макани проглотила еду. – Я писала Алекс.

Бабушка продолжала сидеть с вытянутой рукой.

– Отлично! Это парень, понятно? Теперь ты довольна?

Бабушка замолчала, раздумывая над вариантами.

– Как его зовут?

– Бабушка...

– Никаких мне бабушек. Как его имя?

– Олли. Оливер Ларссон. – Макани уже знала, лучше добавить и его фамилию. Люди в этом городе всегда хотели знать фамилию.

Бабушка нахмурилась:

– Ларссон. Не тот молодой коп?

– Это его брат, Крис. Олли – мой одноклассник.

Бабушка Янг погрузилась в размышления, и Макани взмолилась, чтобы до нее не дошли слухи об Олли. Молилась, чтобы она думала, что быть братом копа – хорошо в этом городе. Наконец бабушка слегка успокоилась.

– Крис был моим учеником. Милый молодой человек. Жаль, что такое произошло с их родителями.

Макани тоже расслабилась.

– Если хочешь продолжать встречаться с Олли, мне нужно с ним познакомиться.

– Бабушка. Мы только переписываемся.

– А потом зазвонил твой телефон. – Она угрожающе ткнула салатной вилкой в сторону Макани, тем самым констатируя факт. – Ты заинтересовала этого парня.

* * *

Когда бабушка ушла спать, Макани отправила сообщение:

Сейчас удобно?

Любопытство подпитывало ее тревогу. Перспектива поговорить с Олли – единственное, что сейчас ее занимало. Она ходила взад-вперед по ковру и смотрела на телефон, желая, чтобы тот зазвенел. Но мобильный, лежащий на комод, молчал.

Комод и остальная мебель когда-то принадлежали маме. Макани переехала в ее детскую спальню. Громоздкий дубовый гарнитур был неприятного оттенка золотого апельсина. Кровать слишком высокая, столбики на изголовье слишком строгие. Они спиралью возносились к потолку, словно заостренные бивни. Тяжелый и длинный комод, гигантское отвратительное зеркало и письменный стол размером с бегемота. Стоящий на нем ноутбук Макани казался настолько авангардным, словно этот деревянный стол сделали давно, еще до появления компьютеров.

Эта комната – полная противоположность тому, как ее мать жила теперь. Несмотря на расслабленную атмосферу пляжа, их дом был строгой геометрической формы, а внутри все сделано из нержавеющей стали.

Бабушка и дедушка, должно быть, сами выбирали мебель и после отъезда мамы убрали все фотографии и постеры, которые могли бы пролить свет на ее подростковые годы. Теперь на их месте висели фотографии Макани в начальной и средней школе и картинки прерий. Единственный оставшийся после мамы след – старая надпись, вырезанная внутри верхнего ящика стола: SOS. Макани редко понимала свою маму, но она определенно понимала тихое отчаяние, стоявшее за этим одиноким актом вандализма.

После переезда Макани сняла свои ужасные портреты и засунула их под кровать. Лишь несколько вещей из прошлой жизни осталось на виду. На столе стояли красивая тарелка из коралла и раковина каури, на кровати лежали плюшевый медвежонок и кит, а на комод, на держателе в виде дерева, были аккуратно развешены украшения. Все остальные вещи Макани держала в ящиках, спрятав подальше.

Она снова проверила телефон: вдруг временно потеряла слух? Ничего. Уже поздно.

Внезапное шуршание за окном потревожило тихую ночь. Макани подошла к окну и вгляделась в тени. Холеный кот соседа – не того, который потерял кончик носа, а другого – часто охотился в их дворе. Макани никогда не разрешали завести кошку или собаку. Однажды, когда у нее будет свой дом, она заведет сразу обоих.

Снова шорох. Макани прищурилась, вглядываясь в темноту.

Звук раздавался из разросшихся кустов под ее окном. Она вытянула шею, пытаясь рассмотреть, что там находится, и испугалась, заметив резкое движение. Потом наступила тишина. Кот, должно быть, поймал полевку.

Макани прижала лицо к стеклу, сложив руки козырьком и прикрываясь от света спальни. Она ждала, когда кот направится со своей добычей через лужайку, но в свете оранжевого уличного фонаря не было никого и ничего, кроме опадающей листвы.

Она вернулась к телефону. И здесь ничего не изменилось.

Макани снова бросила взгляд на окно. Непонятно, почему, но она чувствовала себя незащищенной. Она вновь подкралась к окну и выглянула наружу.

Вокруг было все так же пустынно.

Привет, паранойя, мой старый друг.

Она задернула занавески, взяла телефон и, усевшись на кровать, положила его на стеганое одеяло цвета слоновой кости – еще одна реликвия дедушки и бабушки. Макани попыталась подготовиться к тесту по испанскому, но не могла сосредоточиться. Почему Олли решил, что ей будет стыдно появляться рядом с ним? Из-за слухов? Если дело в этом, то он, скорее всего, ничего не знал о ее прошлом, иначе понимал бы, что не ей указывать, кого стесняться.

Может, у них есть шанс. Может быть, у них даже будет настоящее свидание. В конце концов, он же постарался раздобыть номер ее телефона, хотя и проигнорировал вопрос, каким образом.

Она все еще хмурилась, поэтому отложила в сторону учебник и достала последний выпуск Rolling Stone. Макани, как правило, не интересовали бумажные журналы, но она не могла удержаться, когда увидела на обложке Amphetamine. Их скандальная песня о несовершеннолетней девочке, разбившей сердце солиста – согласно статье, основанная на реальной истории, – стала настоящим хитом. Макани запоминающиеся слова песни и злили, и приводили в экстаз. Интересно, разбила ли она сердце Олли прошлым летом? Разбил ли он ее сердце? Или оно и так уже превратилось в осколки?

Вдруг зазвонил телефон. Она в спешке бросилась к кровати и в возбуждении дважды выронила трубку.

На экране была фотография огромной волосатой белой мужской задницы. Макани застонала и отбросила телефон в сторону, не ответив. Ей не хотелось потакать Алекс в одной из ее излюбленных игр. Алекс нравилось красть телефоны у них с Дэрби, набирать «волосатые задницы» в запросе картинок в Google, а потом незаметно возвращать телефоны на место. Когда они были не в школе, Алекс посылала фотографии наобум.

Телефон снова зазвонил в 23.31. Это был он.

Был на работе, но теперь дома. Ты еще не спишь?

Паника вновь накрыла Макани с головой. Нужно ли подождать, прежде чем ответить? Нет, это глупо. Из-за молчания они и оказались в этой запутанной ситуации.

Олли взял трубку после первого же гудка.

– Привет, прости за предыдущий звонок. У меня был перерыв, но, думаю, я позвонил не вовремя.

Голос Макани прозвучал спокойно:

– Откуда у тебя мой номер?

– А, – Олли растерялся. – Э, да. Прости. Мой брат. Он может, знаешь... достать разную информацию.

Второе извинение за несколько секунд. И раз он попросил Криса помочь, то, по крайней мере, что-то рассказал о ней старшему брату. Улыбка заиграла на губах Макани, но она сказала:

– Это немного жутковато.

Последовала долгая пауза.

– Да шучу я, – Макани рассмеялась, притворяясь более спокойной, чем была в действительности. – То есть не пойми меня неправильно, но это правда странно. Ты мог просто попросить номер у меня. Но я рада с тобой поговорить.

Голос Олли на другом конце провода зазвучал расслабленное.

– И я.

– Ну.

– Ну.

Она перебирала пальцами петельки одеяла, и следующая фраза прозвучала как флирт:

– Так твоя смена в «Грилизи» все еще в среду?

Олли издал смешок.

– Да. Хотя я не мог не заметить, что ты больше не приходишь.

– Ага, там работает настоящий придурок. Он ведет себя так, словно я невидимка, когда мы встречаемся в школе.

– Интересно. Потому что в школе есть одна дура, которая тоже меня игнорировала.

Макани будоражила легкость, с которой они болтали, но в ее смехе слышалось сожаление.

– Это было глупо с нашей стороны, а? Эти предположения.

Олли согласился без раздумий:

– Невероятно.

– Мы можем сейчас поговорить начистоту?

– Я хочу, чтобы мы честно разговаривали всегда – и в настоящем, и в будущем.

Макани почти улыбнулась, но улыбка исчезла еще до того, как появилась. Ее голос зазвучал суровее:

– Слушай, я хочу продолжать с тобой общаться, только если ты хочешь, чтобы все было по-настоящему, и будешь проводить со мной время. Если просто собираешься меня трахать, я вне игры.

– Стой, – выдохнул Олли. – Нет. Нет. Я никогда не хотел только этого. Просто так случилось. Я вообще не знаю, как это произошло.

– Думаю, мы оба виноваты, – сухо ответила Макани.

В телефоне снова повисло напряжённое молчание.

– Итак, – продолжил он, – только честно... я тебе нравлюсь?

– Честно говоря... да.

Долгая пауза. Или, возможно, Олли снова переводил дыхание.

– Честно говоря... ты мне тоже нравишься.

Уже давно Макани не испытывала настоящего счастья, поэтому забыла, что иногда от него может быть так же больно, как и от грусти. Признание Олли пронзило её сердце, словно искусно брошенный нож.

Благодаря этой боли она почувствовала себя живой.

Глава пятая

Они проговорили несколько часов. Пока руки Макани не заболели от постоянного держания телефона и ночные сверчки не умолкли, отправившись спать. То, что Олли не знал о ее прошлом, стало облегчением. Им нужно было поговорить начистоту. Но только о том, о чем нужно говорить.

Родители Олли были фермерами, у них была дружная семья. Примерно через месяц после несчастного случая полиция отдала его брату, которого только что приняли на работу, старую патрульную машину взамен полностью разбитой старой. Это был щедрый подарок. Когда Олли исполнилось шестнадцать, Крис подарил ему эту машину на день рождения. Олли презирал «форд краун виктория» и потерю, которую он символизировал, но ездил на нем из уважения к брату и из-за необходимости в машине. Он говорил о своих отношениях с Крисом: натянутых, порой отеческих, раздражающих, а она рассказывала о таких же непростых отношениях с бабушкой.

– Что случилось с твоими родственниками? – Макани свернулась клубочком под одеялом. – Почему они не забрали тебя?

– Половина из них умерли, а другие – пьяницы, – голос Олли стал тихим. – Теперь понимаешь, почему, когда парень с концентрацией алкоголя в крови, в два раза превышающей норму, убил наших родителей... Крис сражался за то, чтобы стать моим опекуном?

Макани не ладила с родителями. Но она их любила и могла лишь представить, как разрушала и до сих пор разрушает Олли потеря обоих в этом бессмысленном происшествии. Они возвращались домой после поездки в Feed'N'Seed, место, где теперь работали Дэрби и Алекс. В их машину врезались во вторник, при свете дня. Именно светлое время суток в глазах Макани усугубляло трагедию.

– Как твоя мама оказалась на Гавайях? – спросил Олли.

– Она уехала туда сразу же после выпуска. У нее был грандиозный план – она всегда его так называла – проехаться по всем пятидесяти штатам, прежде чем выбрать новый дом. До сих пор сохранилась карта, которую она украла в книжном в Норфолке. Однажды она мне ее показала: на Небраске стоял огромный жирный крест.

– Так что случилось?

– Она потратила все свои сбережения на поездку на Гавайи. Получила работу на курорте, поступила в муниципальный колледж и потом встретила моего отца.

– Грандиозный план. Может, мне тоже стоит попробовать?

Макани не то фыркнула, не то вздохнула.

– Только если ты можешь его выполнить. Для меня это еще одна история маминых неудач.

– А может, Гавайи оказались такими классными, что ей и не нужно было рассматривать другие варианты?

– Нет.

– Я всегда выполняю свои планы, – заверил ее Олли.

* * *

Он доказал это всего несколько часов спустя. Макани развалилась в машине Дэрби перед школой, кипя от раздражения из-за недосыпа. Она так хотела рассказать друзьям о звонке, но их реакция оказалась не такой, как она надеялась.

– Конечно же, он понимает тебя, – сказала Алекс с заднего сиденья. – Вы оба бедные сиротки.

– Я не сирота, – проворчала Макани.

– Все еще не могу поверить, что тебе нужно познакомить его с бабушкой, – протянул Дэрби. – Как он отреагировал, когда ты ему рассказала?

– А я не рассказывала. – Макани пыталась игнорировать внутреннее напряжение, пока искала Олли на парковке. Поток учеников направлялся к мемориалу Хэйли – там лежали цветы, открытки, театральные афиши и свечи – он появился за одну ночь перед вывеской школы. Черными неровными буквами на памятнике было написано: **МЫ ЛЮБИМ ТЕБЯ, ХЭЙЛИ. ТВОЯ ЗВЕЗДА ВСЕ ЕЩЕ ЯРКО ГОРИТ.**

– Я хотела сначала убедиться, что все хорошо, – объяснила Макани. – Ну, знаете, сама.

– Это мечта каждой бабушки, – Алекс саркастически помахала руками. – Изгой общества, который трахает ее внуку, затем игнорирует несколько месяцев, а потом нелегально достает ее номер телефона.

Макани поморщилась.

– Ты же знаешь, что это не так.

– Нет, именно так, – подчеркнула Алекс.

– Разве это не странно, что он достал твой номер таким образом? – заметил Дэрби.

– Разве это не романтично? – спросила Макани.

– Нет, – хором ответили ребята.

– Ему нужно было попросить у тебя, – продолжил Дэрби, – и ты бы дала номер.

– Ну, я рада, что не разбудила бабушку. Вы правы, ей бы не понравилось, если бы она узнала, что я болтаю с парнем по телефону посреди ночи. – Макани сделала паузу, найдя идеальную возможность сменить тему. – Хотя часть меня действительно хочет разбудить ее. Мне кажется, она снова ходит во сне.

– О боже, – Алекс изогнула спину как кошка, потянулась и зевнула. – Что в этот раз твоя бабуля сделала? Использовала фен вместо тостера?

Дэрби рассмеялся на слове «бабуля». Алекс подмигнула ему в зеркало заднего вида.

– Все кухонные шкафы, – сказала Макани, – были открыты сегодня утром. Уже два дня подряд и четвертый раз за этот месяц. Ей нужно посетить клинику, но не знаю, как ее убедить.

– Ты когда-нибудь задумывалась, что она ищет по ночам? – спросила Дэрби.

– Книгу по самозащите для внучки, – сказала Алекс.

Громкий стук в окно рядом с Дэрби заставил его вскрикнуть. Все подпрыгнули на своих местах. Осознав, кто это, Дэрби и Алекс вылупились на Макани.

Макани покраснела от жара.

– Впустите его, впустите его.

Замки не были автоматическими, так что Алекс протянула руку, чтобы открыть дверь. Олли сел рядом с ней, впуская в салон порыв холодного утреннего воздуха.

– Простите, – извинился он. – Не хотел вас напугать.

Три пары глаз с удивлением уставились на него. Почему-то Макани уже забыла, что у него розовые волосы. Вчера в постели она представляла Олли блондином.

Он нервно перевел взгляд с Дэрби на Алекс:

– Я подумал... Макани вам рассказала?

– Рассказала, – сказал Дэрби, хотя его голос еще звучал растерянно.

Алекс улыбнулась, словно ведьма в сказке:

– Мы все знаем.

Оттенок кожи Олли начал походить на цвет его волос.

– Что ты тут делаешь? – спросила Макани, глядя на него во все глаза.

На его щеках появился румянец. Это был тот редкий момент, когда Макани могла легко прочесть выражение его лица: Олли хотел перемотать все назад, оказаться вне машины, в безопасности, на другой стороне парковки. Его рука поползла к ручке двери:

– Ты сказала, что хотела... проводить время вместе.

– Сказала, – Макани покачала головой, прежде чем поменять тон. – Сказала.

Она чувствовала, что друзья таращатся на них, пока выходила из охватившего ее ступора. Впервые Макани поняла, что внешность и поведение Олли не просто акт протеста. Это броня, скрывающая его застенчивость. Для него, видимо, было сложно подойти к ней без защитного барьера в виде телефона, да еще и в окружении ее друзей.

Макани мягко ответила:

– Ты просто застал нас врасплох, вот и все. – А потом улыбнулась ему самой широкой и сияющей улыбкой. Когда-то давно Макани была известна благодаря ей. – Я рада, что ты здесь.

– И я, – сказал Дэрби.

– В следующий раз, – резко добавила Алекс, – принеси пончики.

Олли рискнул взглянуть на нее.

– Мне нравятся с шоколадной глазурью, – заявила она.

Олли надел привычную маску, которую показывал остальному миру. Его брови слегка приподнялись, а голос стал ровным.

– А кому не нравятся?

– Макани нравятся с кленовым сиропом. А Дэрби любит обычные, с глазурью.

Олли в шутку выразил свое несогласие, и Алекс пихнула Макани и Дэрби в спинки сидений:

– Видите? Я всегда говорила, что вы сумасшедшие.

Это было своего рода одобрение, и Макани выдохнула, пока Алекс не переключила свое внимание на Олли.

– Ну, Бушеми, – сказала Алекс, – что говорят?

Брови Олли поползли еще выше.

– Стив Бушеми играл мистера Пинка в «Бешеных псах».

– Я знаю, – сказал он. – Но его персонажа так называли не из-за цвета волос.

Алекс было все равно.

– Так что говорят, Бушеми?

Казалось, его пугает неясность ее слов.

– Э-э-э...?

– Хэйли.

Он слегка дернулся.

– Почему ты спрашиваешь меня о ней?

Алекс толкнула его в плечо, и Олли скривился. Он не привык к таким настойчивым вопросам.

– Твой брат – коп, – сказала она. – Так что полиция говорит по ее делу?

Дэрби вздохнул:

– Не обращай на нее внимания. У Алекс нет чувства такта.

Олли потер ушибленное плечо.

– Крис не обсуждает со мной работу.

– Но дал тебе личный телефонный номер нашей дорогой подруги Макани Янг.

– Алекс, – предупредила Макани. – Иногда сложно быть ее подругой.

Но та под села ближе к Олли, игнорируя, что ему это было неприятно. Ее колени в сетчатых колготках прижались к его ногам.

– Просто расскажи нам. Твой брат был на месте преступления?

Олли отодвинулся, и Алекс пришлось вернуться на свое место.

– На самом деле, – его голос оставался спокойным, – это должно быть в юрисдикции шерифа, потому что убийство случилось вне города. Но ее папа охотится вместе с шефом полиции Пилджером, так что он напрямую связался с ним. Весь отдел вызвали через час.

Макани представила дюжину офицеров в форме, штурмующих кукурузное поле.

– Весь отдел?

– Весь отдел – это пять человек, – сказал Олли.

– А что насчет ее горла? – спросила Алекс. – Три разреза, напоминающих смайлик?

Макани снова захотелось ее отругать.

– Хуже, – сказал Олли. – Пять глубоких порезов. Глаза у смайлика были в виде крестиков.

Дэрби вздрогнул:

– Как... мертвые мультяшные глаза?

Олли коротко кивнул.

– Скорее всего, убийца наслаждался, проделывая это. Ее голосовые связки были перерезаны. Полиция думает, это сделали специально.

Волосы на шее Макани встали дыбом. Мертвые мультяшные глаза.

Но Алекс выпрямилась, вспомнив свою любимую теорию.

– Они думают, что убийца ненавидел Хэйли, потому что она умела петь? Что кто-то завидовал ее таланту?

– Или, – предположил Олли, – может быть, она сказала то, что не должна была.

– Наркотики, – Дэрби подпрыгнул на месте и повернулся к задним сиденьям. – Всегда виноваты наркотики. Может быть, она наткнулась на чей-то подпольный цех по производству наркотиков и собиралась их сдать! – Он сразу замолчал, испугавшись собственного предположения.

Два противоположных чувства – вина и любопытство – мучили и Макани, но Олли лишь пожал плечами.

– Полиция пока мало что об этом знает. И не осталось никаких улик. Во всяком случае, пока ничего не нашли.

Победило любопытство.

– Она была... Хэйли изнасиловали?

– Нет, – сказал Олли.

– Слава богу, – одновременно выдохнули Макани и Дэрби. Макани стало легче, что Хэйли, по крайней мере, не прошла через это.

– Ее нашли в постели, но непохоже, что убийца вообще ее хоть где-то касался, – сказал Олли. – Или что она касалась его. Полиция даже не уверена, что виновный – мужчина. У нее не было синяков и под ногтями ничего не оказалось – ни кожи, ни тканей, которые могли бы остаться, если бы она царапалась или отбивалась от убийцы.

Макани обдумала его слова.

– Значит, Хэйли застали врасплох.

– Может быть. Или она знала убийцу.

– А может, и оба варианта, – сказала Алекс, и все кивнули. Она скрестила руки на груди с довольным видом победителя. – Я знала, что у тебя есть инсайдерская информация.

Морщинка между бровями Олли стала глубже.

– Это все, что я знаю. Правда. И ты же понимаешь, что никому не должна об этом рассказывать, так?

– Пожалуйста, – Алекс отмахнулась от него. – Все, кому я могла бы сказать, уже в этой машине.

Дэрби протянул руку и сжал ладонь Алекс с неаккуратно покрашенными черными ногтями.

– Я тоже тебя люблю.

Но что-то не давало Макани покоя.

– Откуда ты все это знаешь, если твой брат не обсуждает с тобой работу?

Олли пожал плечами:

– Подслушал разговоры. – Но, казалось, Макани его ответ не убедил, и он робко добавил. – И... я прочитал материалы дела, когда он спал.

Макани удивленно приподняла брови. Алекс снова подсел ближе к Олли.

– У отца Хэйли есть алиби?

– Понятия не имею, – сказал он.

– Разумеется, имеешь.

– Я же сказал, это все, что мне известно.

– Ладно, тогда узнай.

Олли наконец рассмеялся, бросив взгляд на Макани:

– Ага. Конечно.

Смех был лучшим ответом, когда Алекс становилась слишком настойчивой. Макани почувствовала искорку надежды. В лобовое стекло она увидела, как две хрупкие на вид девушки прошли мимо со связкой белых шариков в руках. По их щекам текли слезы.

– Они участвуют в мюзикле? – спросила Макани.

– Не думаю, – сказал Дэрби.

Сердце Макани замерло из-за посетившей ее неприятной мысли:

– Ребята, а вы что-то принесли?

Олли и Алекс покачали головами, а Дэрби вытащил из рюкзака открытку из картона, сложенную пополам. Он нарисовал на обложке блестящей красной ручкой сердце.

– Я сделал ее прошлым вечером, но оставил место и для ваших имен, если хотите.

Хорошо, что Дэрби вспомнил, на него всегда можно было положиться. Алекс достала шариковую ручку и нацарапала рядом свое имя, а затем передала открытку и ручку Олли. Удивленный, а может, даже тронутый, он написал свое имя внизу маленькими заглавными буквами.

Олли протянул открытку и ручку Макани.

Она смотрела на блестящее сердце, и чувство вины пронзало каждую клетку ее тела. Она никогда не разговаривала с Хэйли, когда та была жива. Макани ненавидела сплетни, но предполагала, как жила эта девушка, и гадала, как она погибла, словно в каком-нибудь детективе. Она не заслужила подписать открытку, потому что ей и в голову не пришло принести что-то для Хэйли.

– Макани, – встревоженно позвал ее Олли.

Перед глазами поплыло, но она взяла открытку и ручку, чтобы подписать ее, потому что за ней наблюдали друзья, хотя и чувствовала себя при этом мошенницей.

Они вышли из машины и присоединились к толпе. Дэрби положил их открытку поверх горы печальных подарков. Макани стало интересно, кто и когда соберет все эти вещи. Отнесут ли родители Хэйли все домой, или открытки, постеры и плюшевые мишки останутся лежать здесь и затем отправятся на свалку?

Ученики из каждого школьного кружка пришли выразить свое почтение: ботаники из театральной студии и хора, атлеты и гики, геймеры и хакеры, «будущие фермеры Америки» и ребята, участвующие в родео. Все молились вместе. Президент школьного совета раздавал листовки для траурного бдения со свечками. Только наркоманы держались в стороне: они чувствовали себя неуютно из-за того, что нужно было скорбеть вместе с остальными.

Макани сделала вид, что расстроена по тем же причинам, что и ее одноклассники. Притворилась, что фургон местной телекомпании, припаркованный возле флагштока, не заставил ее потеть от страха. Затем притворилась, что ей холодно, натянула капюшон толстовки и отвернула лицо от камер. Притворилась, что ее место здесь.

* * *

Несмотря на удивленные взгляды других учеников, Олли присоединился к ним за обедом. Макани сама пригласила его, но все равно опешила, когда он сел рядом, скрестив ноги. Олли старался. У Макани сразу улучшилось настроение, хотя последовавший разговор был неловким. Олли ел свой сэндвич молча. Макани лишь надеялась, что ее друзья отнесутся к нему с тем же терпением, как и к ней.

По крайней мере, в его присутствии она не была третьей лишней. Дэрби и Алекс никогда не считали, что она лишняя и им мешает, но Макани как-никак вторглась в десятилетнюю крепкую дружбу. Теперь, когда Олли присоединился к ним, она чувствовала себя спокойнее.

Когда до урока осталось десять минут, он извинился и быстро ушел в библиотеку, так что Макани не успела попрощаться. Она растерянно посмотрела на друзей и побежала за ним.

– Эй, – Макани схватила его за рукав. – Ты в порядке?

– Да. Я просто... – начал оправдываться Олли.

– Не волнуйся, я понимаю, – Макани была уверена, что в самом деле понимает. Иногда, когда давление становится чрезмерным, нужно просто бежать.

Олли теребил молнию черной толстовки. Он бросил взгляд на компанию ребят-геймеров, сидевших рядом на земле, повернулся к Макани и кивнул.

Она закатила глаза.

Он улыбнулся.

Уверенность вернулась к Макани. Тревожный туман исчез. Она отпустила его рукав и пристально посмотрела на Олли.

– Так что ты делаешь сегодня после школы?

Он удивился:

– Подвожу тебя домой?

Макани снова улыбнулась и зашагала прочь.

– Хороший ответ, – крикнула она, обернувшись. Идеальная фраза перед расставанием, которую находившиеся рядом придурки решили испортить.

– Хороший ответ, – спародировал один из них, а другие рассмеялись.

Макани остановилась:

– Простите?

Родриго Моралес, невысокий парень с беспокойными, бегающими глазками и огромными наушниками на шее, казалось, вздрогнул, когда к нему обратились, но быстро пришел в себя.

– Я прокачу тебя до дома, детка.

– Чего? – возмутилась одна из его подруг.

– Она права, – Макани скрестила руки на груди. – Чего?

– О, я могу прокатить вас обеих, – развязно сказал Родриго, и другая девушка запульнула булочку от бургера ему в голову.

– Это единственное, что может быть хуже прогулки пешком, – сухо сказал другой парень. Его звали Дэвид, тощий выпускник в чрезмерно большой футболке с ярким зеленым крипером из «Майнкрафта». Вся компания разразилась смехом.

– Заткнитесь! – Родриго теперь переключил свою ярость на Дэвида. Между парнями завязалась словесная перепалка.

Макани не заметила, когда Олли снова оказался рядом с ней. Она была благодарна, что он захотел помочь, но обрадовалась еще больше, когда поняла, что Родриго уже забыл про нее. Они смущенно переглянулись.

– Увидимся позже?

– Да, – согласился он.

Макани убежала на другую сторону площадки.

– Что ты вообще нашла в этом парне? – спросила она Алекс, кивнув в сторону геймеров. Та с августа питала необъяснимые чувства к Родриго.

– Он милый и действительно умный.

– А ведет себя как ребенок.

– Вырастет, – Алекс ухмыльнулась и добавила: – Я ему помогу.

– Для этого сначала нужно с ним поговорить, – возразил Дэрби.

– Мы разговариваем. Общаемся на физике.

Дэрби фыркнул.

– Как вчера, когда ты набросилась на него из-за неправильно решенного уравнения? Он, наверное, первый раз дал неправильный ответ.

– Пошли вы.

– Бедный Родриго, – кудряшки Макани подпрыгнули, когда она покачала головой. – Сложно быть безответной любовью Александры Шимерд.

– Говорю вам, между нами что-то есть.

Дэрби снисходительно похлопал ее по ноге. Алекс отбросила его руку. Друзья громко рассмеялись, и тут прозвенел звонок. Они нехотя стали собирать свои вещи. Макани выбросила пустой стакан из-под содовой в мусорный бак.

– Дэрби, сегодня не нужно меня подвозить. Олли подкинет меня домой.

Дэрби замолчал, закинул на плечи рюкзак и кинул в сторону Алекс многозначительный взгляд.

Макани сжала зубы. Она снова стала третьей лишней: они собирались обсуждать ее.

– Что-то не так?

Впервые Алекс не захотела ничего объяснять. Дэрби деликатно прокашлялся.

– Просто ты не прожила здесь так долго, как мы, – сказал он. – Никто не знает, действительно ли Олли едва не утонул, и правда ли, что он спит с отребьем в «Ред Спот», но с ним определенно что-то не так, с тех пор как умерли его родители.

Алекс одернула свою юбку с бахромой.

– Мы не хотим, чтобы тебе причинили боль.

– Снова, – кивнул Дэрби.

Руки Макани затряслись.

– Вы не знаете его.

– Ты тоже.

– Так что? С ним случилось что-то дерьмовое, а потом он мог сам наделать ошибок. А может, и нет. А если и да, то какая разница? Неужели он не заслуживает второго шанса?

Алекс отступила на шаг.

– Эй, это ты к чему?

Макани засунула руки в карманы и сжала кулаки.

– Он отвезет меня домой за пять минут. Все будет хорошо.

Она не была уверена, что друзья ее услышали, но развернулась и пошла прочь. Она вообще не знала, хочет ли быть услышанной. Но все-таки обернулась и добавила:

– У меня все хорошо!

Глава шестая

Олли открыл перед ней пассажирскую дверь «форда». Этот жест был милым и старомодным.

– Такое впечатление, что я сделала что-то плохое, – сказала Макани и, похлопав патрульную машину по крыше, забралась внутрь.

Олли криво улыбнулся:

– Теперь ты знаешь, каково мне.

Эта горькая правда, сказанная в виде шутки, – та самая причина, почему их тянуло друг к другу. Но так как только Макани поняла это, она не стала ничего говорить. Просто наблюдала, как Олли обходит машину спереди и подходит к водительскому сиденью. Его движения напомнили ей старый фильм «Бунтарь без причины». У Джеймса Дина никогда, правда, не было такой бледной кожи или розовых волос, но Олли напоминал крутого парня, сильно неуверенного в себе.

Внутри машина оказалась чистой. Обивка спереди была из ткани, а задние сиденья обтянуты искусственной кожей. Наверное, чтобы офицерам полиции было легче вытирать пот, рвоту, мочу и кровь. Перегородку из стальной сетки убрали, никакого радио или компьютерного управления, лишь короткая ручка рядом с боковым зеркалом водителя, которая включала сирену. В остальном самая обыкновенная машина, но Макани все равно стало не по себе. Воспоминания о полиции были не самые теплые.

Олли бросил сумку назад и сел в машину.

– Ну так, – спросила она, – ты что-то натворил?

Вопрос должен был стать игривым продолжением их шутки, но прозвучал совсем не так. Предупреждения друзей все еще вертелись в голове Макани. Она гадала, какие сплетни об Олли могли хотя бы частично оказаться правдивыми, и чувствовала себя виноватой из-за того, что огрызнулась на Дэрби и Алекс. Нужно будет отправить им сообщение с извинениями чуть позже. Может, даже примирительную волосатую задницу.

Олли замолчал, его рука уже лежала на ключе зажигания.

– А ты? – и посмотрел прямо на Макани.

– Да, – сказала она, но дальше развивать тему не стала.

– Ага, – Олли повернул ключ. – И я.

На выезде с парковки стояло множество фур и грузовиков. Наклейки на бамперах и пластовые кресты на задних стеклах символизировали, что некоторые водители верят в Иисуса. Сувениры в виде оленьих голов украшали машины охотников, а на некоторых автомобилях виднелись звездно-полосатый флаг или выцветшая лента «Поддержите наших солдат». Грязная стоянка была совсем непохожа на парковку возле дома, отчего Макани здесь всегда чувствовала себя чужой и нежеланной, как гибридная «тойота» среди дизельных внедорожников.

Олли молчал, погрузившись в свои размышления, пока они не оказались следующими в очереди на выезд.

– В какую сторону?

На мгновение Макани удивилась, что он не знал, где она живет. Но откуда бы?

– Поверни направо. А потом через два квартала еще один поворот.

Атмосфера в салоне становилась напряженной.

– Ехать недолго, – разочарованно протянул Олли.

От его слов Макани испытала облегчение и застенчиво улыбнулась ему.

– Я не говорила, – сказала она, – но мне нравятся твои волосы.

Олли выехал на улицу и взглянул на нее.

– Правда?

– Воодушевляет. Фак всем гендерным стереотипам.

Он снова бросил на нее взгляд, проверяя, смеется она над ним или нет. Она не смеялась. Макани не была уверена до этого момента, но розовый цвет действительно выглядел бунтарским и сексуальным.

Олли постарался сделать вид, что в этом нет ничего особенного.

– Я не первый парень-гетеросексуал, сделавший такое.

– Но, бьюсь об заклад, ты первый из парней любой ориентации, кто проделал подобное в Осборне. – Кажется, ему это польстило, так что Макани продолжила. – На то есть какая-то определенная причина?

– Это просто нужно было сделать. А Крис устроил мне головомойку.

Она сморщила нос:

– Отстой. Мне жаль.

– Не надо. – Олли коснулся волос на затылке, и дьявольская улыбка расплылась на его непроницаемом лице. – Теперь я рад, что это сделал.

Макани рассмеялась, откинув голову назад.

– Вот, – в голосе Олли звучала непоколебимая уверенность. – Вот по чему можно догадаться.

– Догадаться о чем? – спросила она, развеселившись.

– Что ты не отсюда.

Сердце Макани тяжело билось, пока она ждала продолжения этой фразы.

– Никто, выросший в этом городе, не смеется так, как ты.

Макани, задержав дыхание, удивленно фыркнула.

– Ну, есть же границы.

– Я серьезно. Ты выделяешься среди всех.

– Я выделяюсь, потому что не белая. – Она указала на улицу. – Вот сюда.

Олли притормозил и повернул на Ореховую улицу, а потом пожал плечами:

– И этим тоже.

Он не стал этого отрицать, но и не задал обычно следовавший за этим утверждением вопрос: «Каково это?». Только Дэрби, который на собственной шкуре почувствовал, что значит быть не как все, успешно избегал этой скользкой темы. Вопросы о ее этнической принадлежности так же звучали грубо и нарушали личное пространство, как и вопросы о его гениталиях или сексуальных предпочтениях. Таким делятся только по собственному желанию.

Но люди спрашивали все время. На Гавайях, где население было многонациональным, это случалось реже, но все равно случалось. Макани ненавидела подобных умников, когда они пытались отнести ее к какой-то народности по светло-коричневому оттенку кожи или волосам, напоминавшим нечто среднее между локонами после химической завивки и тугими африканскими кудряшками.

Чаще всего Макани слышала вопросы: «Откуда ты?», «Каково твоё происхождение?», «Откуда твои родители?».

Иногда она спрашивала, какая им разница. Иногда врала, чтобы вызвать замешательство или раздражение. Но чаще говорила правду:

– Я наполовину афроамериканка, наполовину из коренного гавайского населения. Не как сорок четвертый президент, – приходилось добавлять Макани, чувствуя желание незнакомцев уточнить. Обама только родился на Гавайях. Его мама была белой девушкой из Канзаса.

Олли постучал указательным пальцем по рулю.

– Где твой дом?

– Он в нескольких кварталах, вон за теми деревьями. Справа.

– Все время надо поворачивать направо.

– Хм, – ответ Олли заставил Макани вынырнуть из воспоминаний о прошлом.

– Удобно добираться к тебе домой из школы, – добавил он.

Это правда. По крайней мере, сегодняшняя короткая поездка оказалась приятной. Макани хотела, чтобы она не заканчивалась.

– Ты сегодня работаешь?

– Нет. А ты? – Но он быстро понял, что сболтнул глупость. – То есть тебе сегодня нужно помогать бабушке?

– Не-а, – протянула Макани с намеком.

Олли уставился вперед, все еще постукивая указательным пальцем.

– Может, проведем время вместе?

Макани охватило возбуждение. Осталось только одно, последнее и неприятное, препятствие. Она постаралась, чтобы ее голос звучал расслабленно.

– Ну, я бы с удовольствием...

– Но?

Она набралась храбрости.

– Но сначала тебе нужно встретиться с моей бабушкой.

– Хорошо, – спокойно согласился Олли.

Макани была ошарашена.

– Серьезно?

– Ага. – Он изучал ее лицо, пока они проезжали под тенистыми дубами, растущими вдоль дороги. – Стой. Так ты не серьезно?

– Конечно, серьезно. Просто я не думала, что ты согласишься.

В уголках его губ появилась улыбка.

– Ты забываешь, что находишься на Среднем Западе. Здесь мы поступаем так. – Когда она скептически подняла бровь, он даже рассмеялся. – Все будет хорошо.

Макани было сложно в это поверить, но его уверенность немного помогала.

– Получается, ты живешь здесь.

Она снова удивилась.

– Что это значит?

Он вытянул голову, чтобы посмотреть на ветки над ними.

– Красивая девушка. Красивый район.

Она нахмурилась.

– Серьезно, Олли. Я не в настроении.

– Просто говорю, что ты живешь на лучшей улице в городе. В детстве я всегда мечтал жить под этими деревьями.

– Пока не узнал, что в остальном мире улицы и деревья намного лучше? – Она указала на белый двухэтажный дом с огромным крыльцом. – Вот мой.

Олли подъехал к дому и заглушил двигатель. Макани подождала, пока он продолжит свою мысль – согласится, что предпочел бы жить в любом другом месте, но не в Осборне. Когда он этого не сделал, она начала волноваться, что повела себя слишком бестактно. Он дважды сделал ей комплимент, и оба раза она отвергла его. У Макани сложилось впечатление, что он отчаянно хочет уехать, потому что любому было бы неприятно слышать от кого-то гадости о родном городе.

– Но ты прав, – она попыталась сгладить неловкость. – Это лучшая улица. Думаю, мне повезло.

Странно признаваться – она не врал. Макани давно не чувствовала себя удачливой или благодарной за что-то. В большинстве городов в округе улицы в самых старых районах были выложены кирпичом, что само по себе казалось очаровательным анахронизмом. В Осборне кирпичные мостовые остались только на Главной улице и в районе, где жили они с бабушкой. Здесь дома были намного красивее. В это время года листья окрашивались в приятные оттенки

желтого и золотого, во дворах торчали соломенные пугала, а на грядках сидели «жертвенные» тыквы, ожидая, когда на них вырежут лицо к Хэллоуину.

В сентябре бабушка Янг высадила в кадки желтые хризантемы, а в прошлые выходные Макани собирала упавшие листья в оранжевые мусорные баки с изображениями светильников Джека⁷. Они были безвкусными, но все равно нравились Макани.

Она склонила голову.

– Я никогда напрямую тебя не спрашивала, только строила догадки. Ты все еще живешь на ферме родителей?

Олли кивнул.

– Мы не продадим дом, пока я не окончу школу, но уже распродали большую часть земель соседям. Они превратили их в гигантский кукурузный лабиринт, – ответил Олли и саркастично добавил: – Ты, наверное, видела билборды?

Флуоресцентная реклама «Веселого кукурузного лабиринта семьи Мартин» была повсюду. Мартины уже давно жили на этих землях. У всех членов семьи были рыжие волосы, и трое из них – брат, сестра и их кузен – учились в «Осборн Хай».

– Должно быть, это странно для тебя, – предположила Макани.

Олли пожал плечами. Она заметила, что он часто так делает.

– Это неплохо.

– МАКАНИ ЯНГ!

Они оба подпрыгнули от неожиданности, стукнувшись о потолок машины. Морщась, Макани выглянула в окно и увидела бабушку Янг. Та стояла на ступеньках, ведущих к задней двери, уперев руки в боки.

– Слушай, – тихо проговорил Олли, – как долго она наблюдает за нами?

– Возможно, уже вечность. – Макани собрала с духом и вышла из машины.

– Привет, бабушка...

– Я думала, тебя полиция домой привезла! – Бабушка Янг поспешила вниз по ступенькам. – Чуть не умерла со страху, когда выглянула в кухонное окно и увидела тебя внутри.

– О, это не...

– Но это машина копов, разве не так? И, главное, нет никаких надписей. – Бабушка снова начала волноваться. – Ты в порядке? Что случилось?

– Я в порядке, бабушка. Все хорошо. Друг подвез меня домой, вот и все.

– Это не машина Дэربي.

– Нового друга.

Бабушка Янг крепко сжала Макани в объятиях: она хоть и выглядела рассерженной, но на самом деле еле сдерживала слезы.

– Я думала, с тобой что-то случилось. Как с бедной Хэйли Уайтхолл.

Ком встал у Макани в горле. Первой мыслью бабушки было, что на нее напали, а не что она что-то натворила. Макани попыталась сделать так, чтобы ее голос звучал спокойно.

– Со мной все хорошо, я же стою здесь, перед тобой, целая и невредимая.

Открылась дверь, и гравий на подъездной дорожке заскрипел под неуверенными шагами Олли.

Смертельная хватка бабушки Янг немного ослабла. А потом она опустила руки. Макани повернулась и с ужасом поняла, чего так испугалась бабушка: к ним направлялся парень, весь в черном, больше похожий на скелет, с ярко-розовыми волосами и пирсингом в губе.

– Простите, миссис Янг, – сказал мальчик-скелет. – Мы не хотели вас напугать. Я друг Макани, Оливер Ларссон. Олли. – Он сделал шаг вперед и протянул руку.

⁷ Светильник Джека (*англ.* Jack-o'-lantern) – один из основных атрибутов праздника Хэллоуин, представляет собой вырезанную в виде головы тыкву с горящей свечой внутри.

Бабушка Янг осторожно пожала ее, внимательно изучая его необычную внешность. Макани была рада, что Олли не дернулся и не отвернулся – бабушка бы посчитала это слабостью. Он только улыбался, и от этого черты его лица стали мягче. – Ты тот молодой человек, который работает в отделе товаров в «Грилиз», – произнесла она наконец, отпуская его.

– Да, мадам. Я там работаю уже почти четыре года.

– Сколько тебе лет?

У Макани свело живот, но Олли с легкостью ответил:

– Мне только что исполнилось восемнадцать.

Бабушка Янг кивнула в сторону его машины:

– Ничего у тебя тачка.

«Тачка, – подумала Макани. – О боже мой, нет, прекрати, прекрати, прекрати».

Олли продолжал улыбаться.

– Работает безотказно.

Бабушка Янг рассматривала Олли еще несколько мучительных мгновений, а потом отчитала Макани:

– Не стой просто так. Пригласи его внутрь.

* * *

Макани, сгорая от стыда, провела Олли в старомодную кухню с интерьером из пятидесятих. По крайней мере, тут хотя бы чисто.

– Хочешь чего-нибудь выпить? – спросила бабушка Янг Олли.

– Нет, спасибо, – ответил он.

– У нас есть вода, обезжиренное молоко, холодный чай, газировка, апельсиновый сок, клюквенный сок, томатный сок без соли. Конечно, он не такой вкусный, но более полезный...

– Вода подойдет, спасибо, – попросил Олли.

– Тебе из-под крана? Мы еще держим графин в холодильнике, тогда она прохладнее.

Макани впиалась ногтями в ладони.

– Мы знаем, для чего нужен холодильник.

– Из-под крана подойдет, – сказал Олли.

– Лед? – спросила бабушка Янг.

– Да, пожалуйста.

– Кубиками из формы или кругляшками из пакета?

– О боже, бабушка. Ты буквально хочешь моей смерти.

– И то и другое подойдет, – говорит Олли. – Что проще.

Бабушка Янг открыла морозильник и запустила руку в прозрачный пакет со льдом.

– Оливер, приношу извинения за мою внучку. Не только за ее грубость, но также за неправильное использование слова «буквально». Я уже десятки раз ее поправляла.

Макани сделала вид, что душит себя. Они с Олли обменялись улыбками, когда бабушка Янг отвернулась. Бодро перемещаясь по кухне, она всунула стакан со льдом в сжатую руку Макани. Олли и бабушка рассмеялись.

Но атмосфера в гостиной оставалась неестественно официальной, пока бабушка Янг расспрашивала Олли, а тот терпеливо отвечал. Макани сидела с бабушкой на диване, а Олли – на раскладном кресле. Часы дедушки возле лестницы тикали и тикали, отсчитывая мучительные секунды. Когда разговор бабушки Янг о церкви подошел к концу, Олли показал на кофейный столик. Край пазла, на котором была изображена грядка с тыквами, уже собрали.

– Моей маме они тоже нравились. Иногда в выходные она вытаскивала коробку из шкафа, и мы собирали его вместе. Папа и брат терпеть не могли пазлы – считали их скучными. Но

мне всегда казалось, что это занятие приносит удовлетворение, понимаете? У каждого кусочка есть свое место.

Макани была поражена. Кроме их телефонного разговора прошлой ночью и травли, устроенной Алекс этим утром, она никогда не слышала, чтобы Олли произнес столько предложений подряд. Как правило, он использовал минимальное количество слов, чтобы выразить свои мысли.

Бабушка Янг взмахнула рукой, в которой держала стакан газировки, указывая в сторону внучки.

– Эта тоже думает, что пазлы скучные.

Олли покачал головой, глядя на Макани.

– Ты не знаешь, что упускаешь.

– Айзек, мой муж, тоже не очень-то любил их, – вздохнула бабушка Янг. – Но меня они успокаивают. Занимают мысли.

Повисла пауза, словно Олли и бабушка придались воспоминаниям о собственных утра-тах. Не в силах больше это терпеть, Макани взглянула на телефон и вскочила с дивана:

– Прости, нам нужно идти!

Бабушка Янг поставила свой напиток на журнал, лежавший на столике.

– Да?

– У Олли сегодня вечером смена, так что мы хотели до этого еще немного времени про-вести вместе.

– Я хотел отвезти ее в «Соник», чтобы угостить слашем⁸. – Олли встал с кресла, отчего пружины издали сдавленный скрип. – Последний в этом сезоне перед тем, как окончательно похолодает.

– Мне нравится лаймад⁹. – Суставы бабушки Янг хрустнули, когда она встала на ноги. – Было приятно с тобой познакомиться. Можешь присоединиться ко мне, когда захочешь. – Она кивнула в сторону пазла.

Олли засунул руки в карманы джинсов.

– Спасибо.

Макани провела его к задней двери на кухне и бросила бабушке через плечо:

– Буду дома к ужину!

Оказавшись в безопасности в салоне машины, они обменялись теми же хитрыми улыб-ками.

– А ты хорошо это делаешь, – сказала Макани. – Врешь.

– Как и ты.

– Ага. Прости. – Она рассмеялась, пытаясь скрыть свое смущение. – Обещаю, что не заставлю тебя вернуться и собирать пазл с бабушкой.

Олли продолжал ухмыляться.

– Кто сказал, что я этого не хочу?

Макани снова рассмеялась.

– Ладно, чудак.

Она испытывала облегчение оттого, что Олли легко поладил с ее бабушкой и разгова-ривал с ней как с нормальным человеком. Но вместе с тем Макани стало стыдно. Она всегда недооценивала его и столько раз не заступалась за него перед друзьями.

– Просто скажи мне, что соврал насчет «Соника».

– Конечно, – сказал Олли. «Соник Драйв-Ин» был единственным пафосным рестораном в городе. Именно там собиралась футбольная команда. – Я везу тебя к океану.

⁸ Замороженный фруктовый сок или пюре.

⁹ Разновидность лимонада, которая готовится из сока лайма.

* * *

Они ехали через Осборн, мимо «Грилиз Фудс» и «Ред Спота», мимо шумного «Соника» и пустынной старой автозаправки «Синклер», мимо гигантского магазина хозяйственных товаров и похожего на ангар «Доллара Дженерал», а потом выехали за город.

Они мало говорили, но молчание было приятным.

Они переехали железную дорогу и реку. Сельская местность вокруг была плоской: сухая трава, грязные поля, круглые стоги сена. Скромные фермерские дома и монстрообразные тракторы. Во всех направлениях открывался одинаковый вид, нарушаемый лишь длинными хитроумными устройствами, которые, как узнала Макани, были круговой ирригационной системой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.